

Государственное бюджетное учреждение Республики Саха (Якутия)
"Республиканский центр содействия семейному воспитанию"

Чтение с пользой

2023

Составители: Шахурдина З.С., Иванова Н.Ф., Козлова М.В., Колесова А.Н., педагоги-психологи Центра

Ответственный редактор: Кондратьев Э.В., директор ГБУ РС(Я) «Республиканский центр содействия семейному воспитанию»

Чтение с пользой: [книга для родителей и детей]/ Республиканский центр содействия семейному воспитанию; [составители: З. С. Шахурдина [и др.]. – Якутск: 2023. – 80 с.

В книге собраны сказки и истории разных авторов и народов, в которых затронуты темы волнующие и волнительные для приемных детей, а также замещающих родителей. Значимость этих произведений заключается в том, что они дают возможность задуматься и обсудить эти проблемы. Эти сказки - прекрасное начало для разговора на сокровенную тему со своим ребенком.

СОДЕРЖАНИЕ:

<u>Введение</u>	3
<u>Сохранить нельзя раскрыть</u>	6
<u>Г. Х. Андерсен. Гадкий утенок</u>	8
<u>М.Ф. Липскеров. Как Волк Теленочку мамой был</u>	17
<u>Е.Г. Карганова. Мышка и Мышутка</u>	20
<u>Готовы или не готовы</u>	25
<u>Русская народная сказка. Снегурочка</u>	27
<u>Братья Гримм. Птица-Найденыш</u>	31
<u>Е. Г. Карганова. Ничей</u>	34
<u>Е. Г. Карганова. Надо ли собаке кукарекать?</u>	40
<u>А. С. Исаакян. У солнца</u>	44
<u>Доктор Сьюз (перевод с английского). Слон Хортон высиживает яйцо</u>	46
<u>С. Я. Маршак. Курочка Ряба и десять утят</u>	51
<u>Сказка спешит на помощь</u>	54
<u>Г. Х. Андерсен. Дюймовочка</u>	56
<u>Ш. Перро. Золушка</u>	67
<u>Русская народная сказка. Морозко</u>	74
<u>Д. Непомнящая. Мама для мамонтенка</u>	77
<u>Г. Цыферов. Лягушонок ищет папу</u>	80

ВВЕДЕНИЕ

У сказки есть счастливая возможность перелетать через пропасти, охватывать бесконечные пространства, сталкивать различные времена, сочетать самые крупные вещи с вещами самыми маленькими, преодолевать непреодолимые препятствия. Если сказка потеряет свой великий оптимизм, она сразу лишится всего: и мудрости, и чувства справедливости, и дара воображения и предвидения.

С.Я. Маршак

Сказка — это очень щадящий способ воздействия на внутренний мир малыша. В ней нет поучений, нет прямых указаний, но, тем не менее, ребёнок получает конкретный опыт, непосредственные переживания, полезные знания. Сказка помогает изменить поведение Вашего ребёнка в лучшую сторону. Почему? Потому что малыш просто слушает историю! Ему не читают наставлений, его не обвиняют и не принуждают делать что-то против его воли — он просто слушает. Ему ничто не мешает анализировать рассказ, узнавать что-то новое, что-то сопоставлять, сравнивать. Малыш может потратить столько времени, сколько ему надо, чтобы усвоить содержание истории или сказки и понять идею. Он может прослушать историю и ничего не изменить в своём поведении — его никто к этому не принуждает. И всё-таки ребенок, скорее всего, запомнит и применит в жизни то, что услышал. Всё новое, что он узнает, воспринимается им как собственное достижение, как результат самостоятельных усилий. Если ребёнок изменит своё поведение по примеру героя сказки, он сделает так потому, что решил это сам, а не потому, что так велела мама. Слушая историю или сказку, ребёнок отождествляет себя с героем. Сказки, истории позволяют ребёнку почувствовать, что он не одинок в своих переживаниях, что другие дети испытывают те же эмоции, попадая в похожие ситуации. Это оказывает успокаивающее воздействие. Ребёнок избавляется от чувства, что он один на свете такой упрямый и не ладит с родителями. Такое успокоение укрепляет в нём уверенность в себе и помогает строить отношения с окружающими людьми. И именно понимание и облегчение несут в себе лечебные свойства. Сказка даёт совет: «что делать, если...».

Привлекательность сказок для психотерапии, психокоррекции и развития личности ребенка, их главные достоинства заключаются в следующем:

- Отсутствие в сказках дидактики, нравоучений.
- Неопределенность места действия главного героя, позволяющая наполнить пространство сказки значимыми образами.
- Образность и метафоричность языка, открывающего кладезь мудрости данной культуры, опыта поколений.
- Победа добра, дающая психологическую защищенность.
- Наличие тайны и волшебства, раздвигающие границы возможного.

Возрастная динамика сказочных сюжетов.

Детям 3-5 лет наиболее понятны и близки сказки о животных и сказки о взаимодействии людей и животных. В этом возрасте дети часто идентифицируют себя с животными, легко перевоплощаются в них, копируя их манеру поведения.

Начиная с 5 лет, ребенок идентифицирует себя преимущественно с человеческими персонажами – принцами, царевнами, солдатами и пр. Чем старше становится ребенок, тем с большим удовольствием он читает истории и сказки о людях, потому что в этих историях содержится рассказ о том, как человек познает мир. Примерно с 5-6 лет ребенок предпочитает волшебные сказки. В подростковом возрасте могут быть интересны сказки-притчи и бытовые сказки.

Функции терапевтической сказки

1. Средство установления контакта с ребенком.
2. Материал для процессуальной диагностики психологических трудностей ребенка (показательно: поведение во время чтения сказки, характер рисунка, выбранный сюжет, специфика обсуждения сказки и др.).
3. Основа для дальнейшего построения психотерапевтической работы (она как бы вскрывает пласты глубинных переживаний, требующих непосредственной психотерапевтической проработки).
4. Предоставление ребенку различных вариантов преодоления жизненных трудностей и разрешения конфликтов. Задача ведущего здесь – помочь ребенку усвоить главную идею сказки и увидеть возможности ее применения в его жизни.
5. Длительная работа со сказками приводит к формированию у ребенка «механизма самопомощи».

Рисование сказки

Очень хорошо, если есть возможность порисовать, заняться лепкой, аппликацией. Любой вид творчества приветствуется. Это еще одна возможность проработать сказочную информацию, уже в виде наглядного материала. А кроме того, изобразительное творчество обладает лечебными свойствами. Рисуя, работая красками или пластилином, мы переносим все, что нас волнует, наши чувства и мысли, на бумагу или в работу из пластилина. Тем самым мы освобождаемся от тревоги или другого чувства, которое нас беспокоило, успокаиваемся. Рисовать, кстати, можно и страх и любое другое чувство. Это делает его, во-первых, менее интенсивным, а во-вторых, более понятным. А более понятное уже не может нас напугать. Рисовать можно все, что захочется, - любую сцену из сказки, одного из героев, можно даже нарисовать продолжение сказки. Но особенно нас будут интересовать моменты в сказке, на которых, как вы заметили, ребенок проявил особое волнение. Предложите малышу нарисовать тот или те моменты. Это вдвойне полезно. Во-первых, ребенок сможет освободиться от беспокоящих чувств и мыслей. А во-вторых, рисунок может стать поводом для разговора. Что изображено? Почему? Что будет дальше?

Думаем, не стоит предупреждать, что качество изображения не надо никак комментировать. А также подвергать критике то, как ребенок понял этот момент сказки. Если не хотите, чтобы это был последний доверительный разговор.

И еще кое-что о рисунках. Раз мы говорим о сильных чувствах, вполне естественно, что рисунки на эту тему будут тревожными. Пожалуйста, не бойтесь. Так надо. Можете поговорить о содержании, о том, что будет дальше. И увидите, что накал стихает. А если предложить еще раз рисовать то же, рисунок будет значительно спокойнее. Это знак того, что на душе малыша наступает равновесие. А вслед за этим и страхи куда-то исчезнут. При условии, конечно, что вы примете меры, чтобы сама ситуация, вызывавшая страх, больше не будет повторяться в жизни ребенка. Однако, если напряжение в рисунках не стихает после многократного рисования или подобные же тревожные мотивы продолжают и в рисунках на другую тему, следует обратиться к детскому психологу. А еще можно рисовать вещи, которые вас вдохновляют, радуют. И это чувство при изображении на бумаге придет к вам в настоящем.

СОХРАНИТЬ НЕЛЬЗЯ РАСКРЫТЬ

*Сказка – это то золото,
что блестит огоньком в детских глазах.*

Ганс Христиан Андерсен

Про тайну усыновления можно дискутировать бесконечно. Извечные вопросы, говорить или не говорить, как говорить, когда начать, почему и зачем надо говорить, волнуют каждого усыновителя (удочерителя). Если это издание попало к Вам, то мы можем предположить, что Вы решились раскрыть тайну, и эта книга и брошюра-подсказка помогут начать разговоры с ребенком на тему «приемности».

Ни родитель, ни сам ребенок никогда не будут готовы к этому разговору на 100%. Но необходимость говорить существует. Жить во лжи, недоговаривая, лавировать в вопросах беременности и рождения ребенка, очень сложно. К разговору можно прийти постепенно. В частности, используя сказки, обсуждая и отвечая на вопросы ребенка. Готовность ребенка также зависит от родителя, если родитель спокойно относится к усыновлению, не делает из этого «трагедию», «страшную тайну», то и ребенок в дальнейшем к этому будет относиться также спокойно.

Нет точного возраста, времени, чтобы говорить ребенку о том, что он усыновлен или удочерен. Но чем раньше мы начнем разговоры о том, что такое бывает, что ребенок рождается в одной семье, но воспитывается в другой, что у детей могут быть две мамы и так далее, тем проще ему будет адекватно восприниматься его история.

Этап 1. От 3 до 5-6 лет, пока ребенку интересны сказки, пока он еще не интересуется историей своего рождения, не задает вопросы, как дети появляются на свет. С помощью сказок, рассказов, обсуждений, которые ребенок может вести в силу своего возраста, Вы вселяете ребенку информацию «что так бывает в жизни», что у героев сказок было что-то похожее. Главное на этом этапе обсуждение, ответы на вопросы ребенка, узнавать умозаключения ребенка, возможно даже коррекция каких-нибудь

заблуждений. На этом этапе на помощь к Вам приходят сказки о детях-сиротах, также истории, рассказы, которые Вы сами тоже можете находить.

Этап 2. Этот этап наступает с вопросов ребенка «а как дети появляются?», «жил ли я у тебя в животике?», «а как я родился?». И Ваша реакция на эти вопросы обуславливает дальнейший интерес ребенка к своему рождению. Если реакция родителя в какой-то степени негативная, либо непонятна для ребенка, он может решить, что эту тему затрагивать нельзя, что эта тема не хотят обсуждать родители и в дальнейшем ребенок не будет ее затрагивать. А родителям будет казаться, что ребенок этим не интересуется. Поэтому к этим вопросам нужно быть готовыми, у себя в голове проигрывать сценарий, если даже в первый раз Вы как-то не так среагировали и не ответили, то необходимо самим вернуться к ней. И сказать ребенку «сын (или дочка), помнишь ты спрашивал у нас как ты появился на свет так вот...» и уже вспоминаете о сказках, о героях этих сказок и ссылаясь на них, рассказываете его историю. На этом этапе ребенок может задать несколько вопросов, получить на них ответы и как будто забыть и жить спокойно дальше.

Этап 3. Для принятия и осознания любой ситуации, для любого человека нужно время. Рассказав ребенку, когда он был маленьким, Вы даете ему это время. Это для него не будет шоком, он получил ответы на все свои вопросы, а главное ему не ввали, с ним были искренними, честными. На этом этапе ребенок постепенно может прийти к осознанию, пониманию всей ситуации.

Для малыша самым доступным и понятным способом познания нового являются сказки и игра. С их помощью взрослые могут донести ребенку какие-то новые знания, правила и многое другое, которое очень сложно объяснить ребенку словами. Вот и о «приемности», что так бывает, и дети могут родиться в одной семье и воспитываться в другой, можно донести ребенку с помощью сказок. Сказка может стать толчком для обсуждения, вопросы ребенка могут выявить его интересы, страхи и опасения, о которых Вы не знали, также тут затрагиваются и многие другие темы, которые мы пытаемся донести при воспитании ребенка.

Некоторые из наших сказок нам знакомы с детства и возможно Вы даже уже успели их почитать своим детям, но вы могли не затронуть данную щепетильную тему. Теперь же, сказки будут Вашими волшебными помощниками!

Ганс Христиан Андерсен

Гадкий утенок

Хорошо было за городом! Стояло лето. На полях уже золотилась рожь, овес зеленел, сено было смётано в стога; по зеленому лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски — этому языку он выучился у своей матери. За полями и лугами темнел большой лес, а в лесу прятались глубокие синие озера. Да, хорошо было за городом! Солнце освещало старую усадьбу, окруженную глубокими канавами с водой. Вся земля — от стен дома до самой воды — заросла лопухом, да таким высоким, что маленькие дети могли стоять под самыми крупными его листьями во весь рост.

В чаще лопуха было так же глухо и дико, как в густом лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей это занятие порядком надоело. К тому же ее редко навещали, — другим уткам больше нравилось плавать по канавкам, чем сидеть в лопухе да крякать вместе с нею.

Наконец яичные скорлупки затрещали.

Утята зашевелились, застучали клювами и высунули головки.

— Пип, пип! — сказали они.

— Кряк, кряк! — ответила утка. — Поторапливайтесь!

Утята выкарабкались кое-как из скорлупы и стали озираться кругом, разглядывая зеленые листья лопуха. Мать не мешала им — зеленый цвет полезен для глаз.

— Ах, как велик мир! — сказали утята. Еще бы! Теперь им было куда просторнее, чем в скорлупе.

— Уж не думаете ли вы, что тут и весь мир? — сказала мать. — Какое там! Он тянется далеко-далеко, туда, за сад, за поле... Но, по правде говоря, там я отроду не бывала!.. Ну что, все уже выбрались? — Иона поднялась на ноги. — Ах нет, еще не все... Самое большое яйцо целехонько! Да когда же этому будет конец! Я скоро совсем потеряю терпение.

И она уселась опять.

— Ну, как дела? — спросила старая утка, просунув голову в чашу лопуха.

— Да вот, с одним яйцом никак не могу справиться, — сказала молодая утка. — Сижу, сижу, а оно всё не лопаётся. Зато посмотри на тех малюток, что уже вылупились. Просто прелесть! Все, как один, — в отца! А он-то, негодный, даже не навестил меня ни разу!

— Пстой, покажи-ка мне сперва то яйцо, которое не лопаётся, — сказала старая утка. — Уж не индюшечье ли оно, чего доброго? Ну да, конечно!.. Вот точно так же и меня однажды провели. А сколько хлопот было у меня потом с этими индюшатами! Ты не поверишь: они до того боятся воды, что их и не загонишь в канаву. Уж я и шипела, и крякала, и просто толкала их в воду, — не идут, да и только. Дай-ка я еще раз взгляну. Ну, так и есть! Индюшечье! Брось-ка его да ступай учи своих деток плавать!

— Нет, я, пожалуй, посижу, — сказала молодая утка. — Уж столько терпела, что можно еще немного потерпеть.

— Ну и сиди! — сказала старая утка и ушла. И вот наконец большое яйцо треснуло.

— Пип! Пип! — пропищал птенец и вывалился из скорлупы.

Но какой же он был большой и гадкий! Утка оглядела его со всех сторон и всплеснула крыльями.

— Ужасный урод! — сказала она. — И совсем не похож на других! Уж не индюшонок ли это в самом деле? Ну, да в воде-то он у меня побывает, хоть бы мне пришлось столкнуть его туда силой!

На другой день погода стояла чудесная, зеленый лопух был залит солнцем.

Утка со всей своей семьей отправилась к канаве. Бултых! — и она очутилась в воде.

— Кряк-кряк! За мной! Живо! — позвала она, и утята один за другим тоже бултыхнулись в воду.

Сначала вода покрыла их с головой, но они сейчас же вынырнули и отлично поплыли вперед. Лапки у них так и заработали, так и заработали. Даже гадкий серый утёнок не отставал от других.

— Какой же это индюшонок? — сказала утка. — Вон как славно гребет лапками! И как прямо держится! Нет, это мой собственный сын. Да он вовсе не так дурен, если хорошенько присмотреться к нему. Ну, живо, живо за мной! Я сейчас введу вас в общество — мы отправимся на птичий двор. Только держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро утка со всем своим выводком добралась до птичьего двора. Бог ты мой! Что тут был за шум! Два утиных семейства дрались из-за головки угря. И в конце концов эта головка досталась кошке.

— Вот так всегда и бывает в жизни! — сказала утка и облизнула язычком клюв — она и сама была не прочь отведать угриной головки. — Ну, ну, шевелите лапками! — скомандовала она, поворачиваясь к утятам. — Крякните и поклонитесь вон той старой утке! Она здесь знатнее всех. Она испанской породы и потому такая жирная. Видите, у нее на лапке красный лоскуток! До чего красиво! Это высшее отличие, какого только может удостоиться утка. Это значит, что ее не хотят потерять, — по этому лоскутку ее сразу узнают и люди и животные. Ну, живо! Да не держите лапки вместе! Благовоспитанный утенок должен выворачивать лапки наружу. Вот так! Смотрите. Теперь наклоните головки и скажите: “Кряк!”

Утята так и сделали.

Но другие утки оглядели их и громко заговорили:

— Ну вот, еще целая орава! Точно без них нас мало было! А один-то какой гадкий! Этого уж мы никак не потерпим!

И сейчас же одна утка подлетела и клюнула его в шею.

— Оставьте его! — сказала утка-мать. — Ведь он вам ничего не сделал!

— Положим, что так. Но какой-то он большой и несуразный! — прошипела злая утка. — Не мешает его немного проучить.

А знатная утка с красным лоскутком на лапке сказала:

— Славные у тебя детки! Все очень, очень милы, кроме одного, пожалуй... Бедняга не удался! Хорошо бы его переделать.

— Это никак невозможно, ваша милость! — ответила утка-мать. — Он некрасив — это правда, но у него доброе сердце. А плавает он не хуже, смею даже сказать — лучше других. Я думаю, со временем он выровняется и станет поменьше. Он слишком долго пролежал в яйце и потому немного перерос. — И она разгладила клювом перышки на его спине. — Кроме того, он селезень, а селезню красота не так уж нужна. Я думаю, он вырастет сильным и пробьет себе дорогу в жизнь.

— Остальные утята очень, очень милы! — сказала знатная утка. — Ну, будьте как дома, а если найдете угриную головку, можете принести ее мне.

И вот утята стали вести себя как дома. Только бедному утёнку, который вылупился позже других и был такой гадкий, никто не давал проходу. Его клевали, толкали и дразнили не только утки, но даже куры.

— Слишком велик! — говорили они.

А индийский петух, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя чуть не императором, надулся и, словно корабль на всех парусах, подлетел прямо к утёнку, поглядел на него и сердито залопотал; гребешок у него так и налился кровью. Бедный утёнок просто не знал, что ему делать, куда деваться. И надо же было ему уродиться таким гадким, что весь птичий двор смеется над ним!

Так прошел первый день, а потом стало еще хуже. Все гнали бедного утёнка, даже братья и сестры сердито говорили ему: “Хоть бы кошка утатила тебя, несносный урод!” А мать прибавляла: “Глаза б мои на тебя не глядели!” Утки щипали его, куры клевали, а девушка, которая давала птицам корм, отталкивала его ногою.

Наконец утёнок не выдержал. Он перебежал через двор и, распутив свои неуклюжие крылышки, кое-как перевалился через забор прямо в колючие кусты.

Маленькие птички, сидевшие на ветках, разом вспорхнули и разлетелись в разные стороны.

«Это оттого, что я такой гадкий», — подумал утёнок и, зажмурив глаза, бросился бежать, сам не зная куда. Он бежал до тех пор, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки.

Тут он провел всю ночь. Бедный утёнок устал, и ему было очень грустно.

Утром дикие утки проснулись в своих гнездах и увидели нового товарища.

— Это что за птица? — спросили они. Утёнок вертелся и кланялся во все стороны, как умел.

— Ну и гадкий же ты! — сказали дикие утки. — Впрочем, нам до этого нет никакого дела, только бы ты не лез к нам в родню.

Бедняжка! Где уж ему было и думать об этом! Лишь бы ему позволили жить в камышах да пить болотную воду, — о большем он и не мечтал.

Так просидел он в болоте два дня. На третий день туда прилетели два диких гусака. Они совсем недавно научились летать и поэтому очень важничали.

— Слушай, дружище! — сказали они. — Ты такой чудной, что на тебя смотреть весело. Хочешь дружить с нами? Мы птицы вольные — куда хотим, туда и летим. Здесь поблизости есть еще болото, там живут премиленькие дикие гусыни-барышни. Они умеют говорить: «Рап! Рап!» Ты так забавен, что, чего доброго, будешь иметь у них большой успех.

Пиф! Паф! — раздалось вдруг над болотом, и оба гусака упали в камыши мертвыми, а вода покраснела от крови.

Пиф! Паф! — раздалось опять, и целая стая диких гусей поднялась над болотом. Выстрел гремел за выстрелом. Охотники окружили болото со всех сторон; некоторые из них забрались на деревья и вели стрельбу сверху. Голубой дым облаками окутывал вершины деревьев и стлался над водой. По болоту рыскали охотничьи собаки. Только и слышно было: шлёп-шлёп! И камыш раскачивался из стороны в сторону. Бедный утёнок от страха был ни жив ни мертв. Он хотел было спрятать голову под крылышко, как вдруг прямо перед ним выросла охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами. Она посмотрела на утёнка, оскалила острые зубы и — шлёп-шлёп! — побежала дальше.

«Кажется, пронесло, — подумал утёнок и перевел дух. — Видно, я такой гадкий, что даже собаке противно съесть меня!»

И он притаился в камышах. А над головою его то и дело свистела дробь, раздавались выстрелы.

Пальба стихла только к вечеру, но утёнок долго еще боялся пошевелинуться.

Прошло несколько часов. Наконец он осмелился встать, осторожно огляделся вокруг и пустился бежать дальше по полям и лугам.

Дул такой сильный встречный ветер, что утёнок еле-еле передвигал лапками.

К ночи он добрался до маленькой убогой избушки. Избушка до того обветшала, что готова была упасть, да не знала, на какой бок, потому и держалась.

Ветер так и подхватывал утёнка, — приходилось прижиматься к самой земле, чтобы не унесло.

К счастью, он заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и так перекосилась, что сквозь щель можно легко пробраться внутрь. И утёнок пробрался.

В избушке жила старуха со своей курицей и котом. Кота она звала Сыночком; он умел выгибать спину, мурлыкать и даже сыпать искрами, но для этого надо было погладить его против шерсти. У курицы были маленькие коротенькие ножки, и потому ее так и прозвали Коротконожкой. Она прилежно несла яйца, и старушка любила ее, как дочку.

Утром утёнка заметили. Кот начал мурлыкать, а курица кудахтать.

— Что там такое? — спросила старушка. Она поглядела кругом и увидела в углу утёнка, но сослепу приняла его за жирную утку, которая отбилась от дому.

— Вот так находка! — сказала старушка. — Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень. И она решила оставить бездомную птицу у себя. Но прошло недели три, а яиц всё не было. Настоящим хозяином в доме был кот, а хозяйкой — курица. Оба они всегда говорили: “Мы и весь свет!” Они считали самих себя половиной всего света, и притом лучшей половиной. Утёнку, правда, казалось, что на сей счет можно быть другого мнения. Но курица этого не допускала.

— Умеешь ты нести яйца? — спросила она утёнка.

— Нет!

— Так и держи язык на привязи! А кот спросил:

— Умеешь ты выгибать спину, сыпать искрами и мурлыкать?

— Нет!

— Так и не суйся со своим мнением, когда говорят умные люди!

И утёнок сидел в углу, нахохлившись.

Как-то раз дверь широко отворилась, и в комнату ворвались струя свежего воздуха и яркий солнечный луч. Утёнка так сильно потянуло на волю, так захотелось ему поплавать, что он не мог удержаться и сказал об этом курице.

— Ну, что еще выдумал? — напустилась на него курица. — Бездельничаешь, вот тебе в голову и лезет всякая чепуха! Неси-ка яйца или мурлычь, дурь-то и пройдет!

— Ах, плавать так приятно! — сказал утёнок. — Такое удовольствие нырнуть вниз головой в самую глубину!

— Вот так удовольствие! — сказала курица. — Ты совсем с ума сошел! Спроси у кота — он рассудительней всех, кого я знаю, — нравится ли ему плавать и нырять? О себе самой я уж не говорю. Спроси, наконец, у нашей госпожи старушки, умнее ее, уж наверное, никого нет на свете! Она тебе скажет, любит ли она нырять вниз головой в самую глубину!

— Вы меня не понимаете! — сказал утёнок.

— Если уж мы не понимаем, так кто тебя и поймет! Ты, видно, хочешь быть умнее кота и нашей госпожи, не говоря уже обо мне! Не дури и будь благодарен за все, что для тебя сделали! Тебя приютили, пригрели, ты попал в такое общество, в котором можешь кое-чему научиться. Но ты пустая голова, и разговаривать с тобой не стоит. Уж поверь мне! Я желаю тебе добра, потому и браню тебя. Так всегда поступают истинные друзья. Старайся же нести яйца или научись мурлыкать да сыпать искрами!

— Я думаю, мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят! — сказал утёнок.

— Ну и ступай себе! — ответила курица.

И утёнок ушёл. Он жил на озере, плавал и нырял вниз головой, но все вокруг по-прежнему смеялись над ним и называли его гадким и безобразным.

А между тем настала осень. Листья на деревьях пожелтели и побурели. Они так и сыпались с ветвей, а ветер подхватывал их и кружил по воздуху. Стало очень холодно. Тяжелые тучи сеяли на землю то град, то снег. Даже ворон, сидя на изгороди, каркал от холода во все горло. Брр! Замерзнешь при одной мысли о такой стуже!

Плохо приходилось бедному утёнку.

Раз под вечер, когда солнышко еще сияло на небе, из-за леса поднялась целая стая чудесных, больших птиц. Таких красивых птиц утёнок никогда еще не видел — все белые как снег, с длинными гибкими шеями...

Это были лебеди.

Их крик был похож на звуки трубы. Они распростерли свои широкие, могучие крылья и полетели с холодных лугов в теплые края, за синие моря... Вот уж они поднялись высоко-высоко, а бедный утёнок всё смотрел им вслед, и какая-то непонятная тревога охватила его. Он завертелся в воде, как волчок, вытянул шею и тоже закричал, да так громко и странно, что сам испугался. Он не мог оторвать глаз от этих прекрасных птиц, а когда они совсем скрылись из виду, он нырнул на самое дно, потом выплыл опять и все-таки долго еще не мог опомниться. Утёнок не знал, как зовут этих птиц, не знал, куда они летят, но полюбил их. как не любил до сих пор никого на свете. Красоте их он не завидовал. Ему и в голову не приходило, что он может быть таким же красивым, как они.

Он был рад-радёхонек, если бы хоть утки не отталкивали его от себя. Бедный гадкий утёнок!

Зима настала холодная-прехолодная. Утёнок должен был плавать по озеру без отдыха, чтобы не дать воде замёрзнуть совсем, но с каждой ночью полынья, в которой он плавал, становилась все меньше и меньше. Мороз был такой, что даже лёд потрескивал. Утёнок без усталости работал лапками. Под конец он совсем выбился из сил, растянулся и примёрз ко льду.

Рано утром мимо проходил крестьянин. Он увидел примерзшего ко льду утёнка, разбил лёд своим деревянным башмаком и отнес полумертвую птицу домой к жене.

Утёнка отогрели.

Дети задумали поиграть с ним, но утёнку показалось, что они хотят обидеть его. Он шарахнулся от страха в угол и попал прямо в подойник с молоком. Молоко потекло по полу. Хозяйка вскрикнула и всплеснула

руками, а утёнок заметался по комнате, влетел в кадку с маслом, а оттуда в бочонок с мукой. Легко представить, на что он стал похож!

Хозяйка бранила утёнка и гонялась за ним с угольными щипцами, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали и визжали. Хорошо, что дверь была открыта, — утёнок выбежал, растопырив крылья, кинулся в кусты, прямо на свежавыпавший снег, и долго-долго лежал там почти без чувств.

Было бы слишком печально рассказывать про все беды и несчастья гадкого утёнка в эту суровую зиму.

Наконец солнышко опять пригрело землю своими теплыми лучами. Зазвенели жаворонки в полях. Вернулась весна!

Утёнок выбрался из камышей, где он прятался всю зиму, взмахнул крыльями и полетел. Крылья его теперь были куда крепче прежнего, они зашумели и подняли его над землей. Не успел он опомниться, как долетел уже до большого сада. Яблони стояли все в цвету, душистая сирень склоняла свои длинные зеленые ветви над извилистым каналом. Ах, как тут было хорошо, как пахло весной!

И вдруг из чащи тростника выплыли три чудных белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, точно скользили по воде. Утёнок узнал этих прекрасных птиц, и его охватила какая-то непонятная грусть.

“Полечу к ним, к этим величавым птицам. Они, наверно, заклюют меня насмерть за то, что я, такой гадкий, осмелился приблизиться к ним. Но все равно! Лучше погибнуть от их ударов, чем сносить щипки уток и кур, пинки птичницы да терпеть холод и голод зимою!”

И он опустил на воду и поплыл навстречу прекрасным лебедям, а лебеди, завидев его, замахали крыльями и поплыли прямо к нему.

— Убейте меня! — сказал гадкий утёнок и низко опустил голову.

И вдруг в чистой, как зеркало, воде он увидел свое собственное отражение. Он был уже не гадким темно-серым утёнком, а красивым белым лебедем!

Теперь утёнок был даже рад, что перенес столько горя и бед. Он много вытерпел и поэтому мог лучше оценить свое счастье. А большие лебеди плавали вокруг и гладили его своими клювами.

В это время в сад прибежали дети. Они стали бросать лебедям кусочки хлеба и зерно, а самый младший из них закричал:

— Новый прилетел! Новый прилетел! И все остальные подхватили:

— Да, новый, новый!

Дети хлопали в ладоши и плясали от радости. Потом они побежали за отцом с матерью и опять стали бросать в воду кусочки хлеба и пирожного.

И дети и взрослые говорили:

— Новый лебедь лучше всех! Он такой красивый и молодой!

И старые лебеди склонили перед ним головы. А он совсем смутился и спрятал голову под крыло, сам не зная зачем. Он вспоминал то время, когда все смеялись над ним и гнали его. Но всё это было позади. Теперь люди говорят, что он самый прекрасный среди прекрасных лебедей. Сирень склоняет к нему в воду душистые ветки, а солнышко ласкает своими теплыми лучами... И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

— Нет, о таком счастье я и не мечтал, когда был еще гадким утёнком!

Михаил Федорович Липскеров

Как Волк Телёночку мамой был

Однажды Волк украл в деревне Телёнка. Засунул в мешок и принёс к себе в избу. А там решил съесть его не спеша и с удовольствием. Вытряхнул из мешка и ахнул:
– Какой маленький! Какой славненький!

– Ма-а-ама, – тоненько пропищал Телёночек.

– Где? – встрепенулся Волк.

– Ты – мама, – сказал Телёночек и указал копытцем на Волка.

Оторопел Волк, заметался по избе: отыскал зеркало, стёр с него пыль, пригладил уши и посмотрел на себя:

– Вроде мужчина... Ты что, вчера родился, что ли?

– Не... – проговорил Телёночек, – сегодня.

– А-а... тогда другое дело! – согласился Волк. – Ты поспи пока, а там разберёмся, кто я тебе: мама или папа.

Положил Волк Телёночка на подстилку, сам лёг на кровать и задумался: «Такого маленького, такого несмышлёного даже есть неудобно!»

А Телёночек проснулся и замычал:

– Есть хочу!

В это время мимо избушки Волка шла Лиса. Услыхала она мычание и заглянула в окно:

– Ой, Волк, какой Телёночек! Давай его съедим!

– Да ты что?! – возмутился Волк. – Он же такой маленький!

– Верно, – согласилась Лиса. – Вырастет, тогда и съедим. Когда его станет больше! – Лиса облизнулась и пошла своей дорогой.

А Волк быстрее к Козе побежал, за едой. Увидала Коза Волка, испугалась, заперлась в избушке. Долго Волк её уговаривал, про Телёночка рассказывал.

Ну, когда Коза всё поняла, вынесла ему целое ведро ароматного козьего молока. Расчувствовался Волк, низко Козе поклонился и преподнёс ей цветок. А потом осторожно понёс молоко домой.

Поставил ведро перед Телёночком, а сам рядом пристроился, смотрит, как тот пьёт.

Теленочек поел – и сразу подрос!

А Волк уже во вкус вошёл: приятно о ком-то заботиться. Вот он и говорит:

– Ты иди погуляй вон на полянке, воздухом подыши! А я тут по хозяйству да приберусь...

Побежал Телёнок на полянку а Волк стирку затеял да сам с собой и разговаривает:

– Детям ведь что – чистота нужна. Ребёнки – они в грязи расти не могут!

Шёл мимо избушки Кабан-хулиган, папироска в зубах торчит:

– Чего делаем, папаша?

– Не видишь, что ли? Телёнку стираю...

– А-а-а! Лиса говорила. Ты ещё с ней поделиться обещал!

– Обещал, обещал... Там видно будет!

– Ну, бывай, отец, – сказал Кабан и двинулся дальше.

А Волк стирку продолжил. Но что-то беспокойно на душе у него стало. И прямо с мокрым полотенцем из избы выбежал – да на полянку! И вовремя! Там Кабан уже протягивал Телёнку папироску. Хлестнул его Волк мокрым полотенцем:

– Я тебе покажу! Ребятёнку, несмышлёнышу – сигарку совать! А ну убирайся отсюда!

Привёл Волк Телёнка домой, а тот опять есть просит! Что делать?

Думал-думал Волк и решил переодеться разбойником. Спрятался он в кустах у лесной дороги. Смотрит – едет по дороге мужичок с возом сена. Выскочил Волк-разбойник на дорогу: в шляпе, на глазах маска и ножик в лапе! И прохрипел:

– Сено или жизнь?!

– Жизнь, жизнь, – быстро сообразил мужичок. Скатился с воза и побежал в деревню.

А Волк всё сено домой перетасил. Позвал Телёночка:

– Питайся, сынок, расти большой!

Тут через забор во двор Медведь заглянул.

– Здорово, сосед, – пробасил он. – Лиса говорила, ты Телёночка откармливаешь...

– Тихо, тихо, – прижал палец к губам Волк. – Иди, иди отсюда!

Медведь согласился, пошёл себе мирно дальше, решив, что пусть ещё подрастёт Телёнок.

А теленок доел сено – и превратился в упитанного бычка.

– Слушай, – сказал он Волку, – тот, что с зубами наружу, Кабан его фамилия, говорит, что я тебе не родной...

– Да ты что?! – задохнулся от возмущения Волк. Вынес во двор зеркало: – Во, смотри! Ну вылитый я!

– Ага, – согласился Телёнок. – Только знаешь что... Я опять есть хочу!

Тут уж Волк всерьёз озаботился. Раз он родитель, значит, и вести себя надо солиднее... И вот пошёл он в деревню. Стал во дворы заглядывать. Видит – в одном мужичок начал дрова рубить, да умаялся. Сел на завалинку, пригорюнился. Волк тут как тут: разрешите, мол, помочь!

Быстро все дрова переколол, в поленницу сложил.

Чего только не сделаешь, чтобы родное дитя покушало!

Ну а мужичок дал ему за работу бадью вкусной похлёбки.

Принёс Волк бадью домой, а тут Кабан, Лиса и Медведь появились.

Спрятал Волк Телёнка в доме, бадью перед ним поставил, крепко дверь запер, а сам к гостям вышел. Прижался для надёжности к двери и как закричит:

– Не отдам его! Мой он, мой!

Но Кабан, Лиса и Медведь слушать Волка не стали. Перелезли через забор – и прямо к Волку направились, от двери его отпихнуть хотят, Телёнка съесть.

Что будет? Один против троих!

Тем временем теленок съел всю похлебку – и превратился в здоровенного быка!

Услышал он, что Волка обижают, выбил рогами дверь, так что Волк даже в сторону отлетел, да как набросится на непрошенных гостей!

Те со страху скорей через забор – да и в лес! Еле ноги унесли.

А Волк протянул лапы к Бычку и завопил:

– Сынок мой, умница!

– Папаня! – пробасил Бычок.

– То-то! – обрадовался Волк. – А то всё «мама, мама»...

Екатерина Георгиевна Карганова

Мышка и Мышутка

Бежала мышка Варвара по лесу, с пути сбилась, и забрела в лесную чащу. Остановилась, огляделась — видит, прямо перед ней в густом ельнике — дом. Большой, мрачный. На окнах — закрытые ставни.

«Видно, давно в этом доме никто не живет», — подумала Варвара. Подошла поближе, приложила ухо к щелочке в дверях, прислушалась...

— У-у-у-у...У-у-у-у...

«Наверное, ветер в трубе воет или сквозняк по дому гуляет», — решила мышка. Но на всякий случай взяла камушек, чтоб погромче было, и постучала в дверь:

— Хозяин! Хозяйка! Есть кто в доме? Отворите, меня в дом впустите. Я не со злом, с добром к вам пришла.

Прислушалась... За дверью кто-то засопел, запыхтел, затопал. Звякнула щеколда, дверь приоткрылась. Смотрит мышка Варвара — глазам не верит. Стоит на пороге медвежонок. По сравнению с ней — великан великаном. А сам по себе махонький, косолапенький, словно игрушечный, плюшевый. Стоит, испуганно озирается — никого не видит.

— Да здесь я! Здесь! — крикнула мышка Варвара. — Подойди поближе, наклонись пониже — меня и увидишь.

Наклонился медвежонок пониже, ткнулся носом в порог и увидел мышку. Увидел, обрадовался и спрашивает:

— Ты моя мама?!

Мышка пискнула, хотела рассмеяться, но сдержалась.

— Ты считаешь, я на нее похожа?

— Похожа-а! — плаксиво заурчал медвежонок.

— Ну ладно, ладно! Об этом потом. Скажи лучше, как тебя зовут? — спросила мышка Варвара.

— Не зна-а-аю...

«Вот бедняга! — подумала она. — Совсем маленький и один-одинешенек. Куда это годится?» И успокоила медвежонок:

Не знаешь — не надо. Зато я знаю — я твоя мама.

— Мама! Моя мама пришла! — медвежонок сгреб Варвару в лапы и — ну плясать. А потом посадил ее на лавочку и, забыв про все свои недавние горести, спросил:

— А чего ты мне вкусенького принесла?

— Ох! — только и смогла вымолвить мышка Варвара.

А медвежонок не унимается, пристает:

— Меду принесла? Ягод принесла? А грибов?

— Вот что, сынок, — сказала мышка-мама, — будут тебе и мед, и грибы, и ягоды. А как же? Что, ты хуже других медвежат?! Вот, у меня в сумочке сухарик есть. Сладкий! Сахарный! Поешь — и в кровать! Спать пора. Поздно уже! А я тебе песенку спою.

Послушался медвежонок, улегся. Лапу сосет, посапывает, сладко зевает:

— Ма-а-ма-а...

Мышка ставни растворила, окошко приоткрыла, душистый лесной воздух в дом впустила, села рядом с медвежонок и тихо запела:

Есть у мышки мишка,

Есть у мишки мышка.

Мышке мишку не поднять,

Мышке мишку не обнять.

Спи, мишутка, спи, малыш,

Очень любит мишку мышь.

Песенка была нежная, ласковая, и медвежонок тут же уснул...

Осталась мышка Варвара у медвежонок жить. И была ему доброй и заботливой мамой, а в доме примерной хлопотливой хозяйкой. Рано вставала, поздно ложилась, чистоту наводила, шила-вышивала, еду добывала, готовила, медвежонок уму-разуму учила. И звала его Мишутка. Раз он мышкин сын, значит не Мишутка, а Мышутка.

— Ты, Мышутка, трудись — не ленись. Играть — играй, да про ученье не забывай. Разговаривай вежливо, не рычи — ненароком кого обидишь. Всегда говори тихо: громко только лягушки на пруду квакают. Ты ведь не лягушка?

— Ква-ква-ква! — смеется медвежонок, с мышкой-мамой соглашается, добрые советы запоминает.

Обедом мышка Варвара сыночка угощает, спрашивает:

— Вкусна ли похлебка? Хороша ли сдобная лепешка? Сладок ли малиновый кисель?

Мышутка мышкину стряпню нахваливает, за обе щеки уплетает, норовит не одну, а сразу две лепешки в рот запихнуть. Крошки по всему столу рассыпаются.

А Варвара ему салфеточку в лапу и так тихо, не обидно, по-матерински замечает:

— Ты, Мышутка, не торопись. Крошки не разбрасывай. Каждая малая крошка в поле зернышком в колоске была, на мельнице — мукой, на кухне — тестом, у тебя на столе лепешкой. Вон какой у нее долгий путь! Спасибо всем, кто помог ей к тебе добраться!

Медвежонок кивает, с мышкой соглашается. Потом выйдет из-за стола, три раза поклонится:

— Спасибо! Спасибо! Спасибо! — сгребет все крошки — и в рот!

Очень забавный был у мышки сынок. И послушный. А почему бы ему свою маленькую маму не слушаться? Она его любит, добра желает, веселые игры придумывает, волшебные сказки рассказывает. Очень довольны мышка Варвара мишкой, мишка Мышутка мышкой.

Ты самая замечательная мама на свете! — урчит от счастья медвежонок.

Приятно это мышке. Такие добрые слова дети редко говорят мамам. А зря! Они для мам послаще всяких сладостей, дороже всех самых дорогих подарков!

Прослышали в лесу, что у маленького одинокого медвежонка мама объявилась. И какая! Полевая мышка Варвара!

Один день удивлялись, два дня судачили, а на третий согласились: какая бы ни была мама — зайчиха, медведица, мышка — главное, чтобы она была!

Прошло ещё немного времени, и в лесу на все голоса стали нахваливать Варвару и восхищаться Мышуткой:

Какой пригожий, умытый, причесанный!

Здоровается — кланяется, пожилых уважает, дорогу уступает!

Сильный, а маленьких не обижает!

Ах, какой молодец растёт! Позавидуешь!

И все было бы хорошо, да приключилось неладное. Стали малыши лесные, бедовые да озорные, над Мышуткой потешаться, донимать насмешками, дразнить:

Эй, мишка-мышка, где твой мышиный хвостик?!

Где ты прячешь свою маму — в ухе или под мышкой?!

Да и не мама она твоя вовсе, глупый медвежонок!

Долго терпел Мышутка насмешки. Терпел-терпел, да не вытерпел! Рассердился, зарычал на весь лес. Примчался домой, дверью хлопнул, лапой по столу стукнул — до смерти мышку Варвару напугал!

— Мышутка, сыночек! Кто тебя обидел? Уж не заболел ли ты?

А медвежонок как зарычит:

— Не смей меня сыночком называть! Не хочу, чтоб ты была моей мамой! Уходи! Обманщица! Без тебя проживу! Надоела!

Ничего не ответила мышка. Ни слова не проронила. Ушла — не обернулась...

Остался медвежонок, как прежде, один-одинёшенек.

Сколько дней и ночей он в доме немытым, нечёсаным, голодным бирюком просидел — неизвестно. Только однажды вылез он из своей неприбранной берлоги, в которую превратил чистый, уютный дом, переступил через порог, глядит, а на лавочке под окном — лукошко с грибами, бочонок с мёдом рядком разложены. А неподалёку стоят соседи, знакомые — лесные жители и зайчиха Аннушка с зайчонком Кузей, и ёж Тимофей с сыном Егоркой, и добрый волк Гаврила — богатырская сила, и сова Гликерья с филином Порфирием, и белочка Луша, и лягушонок Тимка и даже проказница лиса Алиса.

Стоят, на медвежонка смотрят. А он увидел сладости, обрадовался, да как набросится на них! Ест, урчит, ни на кого внимания не обращает.

Покачала головой зайчиха Аннушка, вздохнула:

— Бедненький! Немытый, нечёсанный, голодный.

— Да уж! — согласилась белочка Луша. — Набросился, ни с кем не поздоровался. Такого раньше не бывало.

— Совсем одичал! — буркнула сова Гликерья.

Да если бы он свою мать — Варвару из дома не выгнал, разве такое могло бы случиться? Ух, неблагодарный! — возмутилась лиса Алиса.

Наслушался глупостей от дружков-озорников, которым каждому по подзатыльнику полагается, и пошёл всё крушить. Крушить-то ума большого не надо, — укорял медвежонка волк Гаврюша.

Доброе дело делать — вот где уму раздолье. Обидел ты свою маленькую маму. Ох, как обидел! Я бы тебя ни за что не простил! — сказал ёж Тимофей.

А Варвара-то? А Варвара, тин-тин-тин, — защебетала синичка Валентине, — ещё грибов, ягод насобирала, медку приготовила!

Медвежонок перестал есть, быстро-быстро заморгал глазами, да вдруг как заревёт!

— Поплачь, поплачь — есть от чего. И подумай, что делать будешь. Может, и додумаешься! — фыркнул ёж Тимофей.

Все ушли. Очень обиделись они на медвежонок за добрую мышку Варвару.

А медвежонок сел на лавочку и заплакал пуще прежнего. Всхлипывает и причитает:

— Кто мне песенку споёт? Кто сказку расскажет? Кто сдобную лепёшку испечет? Кто малиновое варенье сварит? Кто уму-разуму учить будет? Кого я любить буду?! Ма-а-ма!

И вдруг слышит тоненький ласковый голосок:

— Здесь я! Здесь, маленький! Не плачь мишенька-медвежонок. Всё будет хорошо!

Вскочил мишка, плюхнулся на колени перед лавкой, на которой мышка Варвара сидела, запричитал, взмолился:

— Прости! Прости меня, матушка! Возьми меня к себе сыночком. Зови меня по-прежнему Мышуткой. Ты меня простишь?! — испуганно посмотрел он на мышку.

Конечно, мышка Варвара простила неразумного медвежонок. Потому что нет такой мамы, которая не простила бы своего любимого сыночка. Даже если эта мама-мышка, а любимый сыночек-медвежонок.

ГОТОВЫ ИЛИ НЕ ГОТОВЫ

Сказка рассказывается не для того, чтобы скрыть, а для того, чтобы открыть, сказать во всю силу, во весь голос то, что думаешь

Евгений Шварц

В этом разделе мы подобрали сказки, которые могут помочь Вашему ребенку сформировать неконфликтную и адаптивную идентичность, пережить боль разлуки со своими кровными родителями, справиться с трудностями адаптации к новым условиям в замещающей семье, научиться доверять взрослым.

С помощью подобранных сказок Вы сможете познакомиться с представлениями ребенка о его жизненной истории и сориентироваться в том, как он понимает и связывает события своей жизни с фактом его «приемности», помочь выразить ребенку чувства, вызванные фактами и событиями его жизни, прояснить – как ребенок в настоящий момент относится к своему положению, научиться вместе свободно говорить о факте «приемности», и, конечно, больше доверять друг другу.

Существует несколько приемов работы со сказкой. Один из наиболее простых и доступных – это чтение и обсуждение сюжета истории, действий, персонажей и выражение своего отношения к происходящему. В беседе с ребенком о его происхождении следует использовать позитивно окрашенные слова и выражения. В процессе обсуждения Вы можете помочь ребенку найти ответы на интересующие его вопросы, эмоционально отреагировать, воспринять жизненную ситуацию героев, сформировать свое отношение к тем или иным событиям, ситуациям, участникам этой истории анализируя ход мыслей и чувств. Вы сможете понять, что беспокоит и на чем фокусируется внимание ребенка, а может быть и Ваше.

Необязательно читать всю сказку целиком. Важно наблюдать за состоянием ребенка как он реагирует на прочитанное, останавливаться тогда, когда это требуется. После прочтения необходимо понаблюдать за эмоциональным и физическим состоянием ребенка. Интенсивность реагирования ребенка на прочтение сказки может быть различной – активный в обсуждении, равнодушный, давать отсроченные вопросы, часто возвращаться к истории сказки, спрашивать про героев, фантазировать и достраивать продолжения истории.

Ребенок может не сразу отреагировать на услышанное. Осознание своих чувств, эмоций, связанных с приемностью, может прийти позднее. Важно наблюдать и поддерживать ребенка в этом процессе.

Но есть необходимые условия для того, чтобы после прочтения сказки **работать** с этими историями:

— ребенку известен тот факт, что он приемный и его воспитывают замещающие родители;

— у него есть стабильное место для проживания, и он воспринимает его, как свой дом;

— у вас хорошие, не конфликтные отношения с ребенком;

— день, когда вы планируете работать со сказками не должен совпадать со следующими мероприятиями: посещение музеев, концертов, торговых центров; участие в соревнованиях, конкурсах, публичных выступлениях, посещение или прием гостей (т.е. ребенок находится в спокойном состоянии).

Вы можете просто прочитать ребенку эти добрые сказки, не проводя параллели между героями и ребенком. В этом случае, обращайте внимание Вашего маленького слушателя на сами события в жизни героев, подчеркивая то, что наша жизнь разнообразна и богата интересными событиями.

В любом случае, сказка – это инструмент, а не инструкция к немедленному действию. И этот инструмент поможет Вам стать ближе друг другу, а также лучше понять внутренний мир Вашего ребенка.

Русская народная сказка

Снегурочка

Жил-был крестьянин Иван, и была у него жена Марья. Жили Иван да Марья в любви и согласии, вот только детей у них не было. Так они и состарились в одиночестве. Сильно они о своей беде сокрушались и только глядя на чужих детей утешались. А делать нечего! Так уж, видно, им суждено было. Вот однажды, когда пришла зима да напало молодого снегу по колена, ребятишки высыпали на улицу поиграть, а старички наши подсели к окну поглядеть на них. Ребятишки бегали, резвились и стали лепить бабу из снега. Иван с Марьей глядели молча, призадумавшись. Вдруг Иван усмехнулся и говорит:

— Пойти бы и нам, жена, да слепить себе бабу!

На Марью, видно, тоже нашел веселый час.

— Что ж, — говорит она, — пойдем, разгуляемся на старости! Только на что тебе бабу лепить: будет с тебя и меня одной. Слепим лучше себе дитя из снега, коли Бог не дал живого!

— Что правда, то правда... — сказал Иван, взял шапку и пошел в огород со старухой.

Они и вправду принялись лепить куклу из снегу: скатали туловище с ручками и ножками, наложили сверху круглый ком снегу и обгладили из него головку.

— Бог в помощь? — сказал кто-то, проходя мимо.

— Спасибо, благодарствуем! — отвечал Иван.

— Что ж это вы поделываете?

— Да вот, что видишь! — молвит Иван.

— Снегурочку... — промолвила Марья, засмеявшись.

Вот они вылепили носик, сделали две ямочки во лбу, и только что Иван прочертил ротик, как из него вдруг дохнуло теплым духом. Иван второпях отнял руку, только смотрит — ямочки во лбу стали уж навывкате, и

вот из них поглядывают голубенькие глазки, вот уж и губки как малиновые улыбаются.

— Что это? Не наваждение ли какое? — сказал Иван, кладя на себя крестное знамение.

А кукла наклоняет к нему головку, точно живая, и зашевелила ручками и ножками в снегу, словно грудное дитя в пеленках.

— Ах, Иван, Иван! — вскричала Марья, задрожав от радости. — Это нам Господь дитя дает! — и бросилась обнимать Снегурочку, а со Снегурочки весь снег отвалился, как скорлупа с яичка, и на руках у Марьи была уже в самом деле живая девочка.

— Ах ты, моя Снегурушка дорогая! — проговорила старуха, обнимая свое желанное и нежданное дитя, и побежала с ним в избу.

Иван насилу опомнился от такого чуда, а Марья была без памяти от радости.

И вот Снегурочка растет не по дням, а по часам, и что день, то все лучше. Иван и Марья не нарадуются на нее. И весело пошло у них в дому. Девки с села у них безвыходно: забавляют и убирают бабушкину дочку, словно куколку, разговаривают с нею, поют песни, играют с нею во всякие игры и научают ее всему, как что у них ведется. А Снегурочка такая смышленная: все примечает и перенимает.

И стала она за зиму точно девочка лет тринадцати: все понимает, обо всем говорит, и таким сладким голосом, что заслушаешься. И такая она добрая, послушная и ко всем приветливая. А собою она — беленькая, как снег; глазки что незабудочки, светло-русая коса до пояса, одного румянцу нет вовсе, словно живой кровинки не было в теле... Да и без того она была такая пригожая и хорошая, что загляденье. А как, бывало, разыграется она, так такая утешная и приятная, что душа радуется! И все не налюбуются Снегурочкой. Старушка же Марья души в ней не чаёт.

— Вот, Иван! — говаривала она мужу. — Даровал-таки нам Бог радость на старость! Миновалась-таки печаль моя задушевная!

А Иван говорил ей:

— Благодарение Господу! Здесь радость не вечна, и печаль не бесконечна...

Прошла зима. Радостно заиграло на небе весеннее солнце и пригрело землю. На прогалинах зазеленела мурава, и запел жаворонок. Уже и красные девицы собрались в хоровод под селом и пропели:

— Весна-красна! На чем пришла, на чем приехала?..

— На сошечке, на бороночке!

А Снегурочка что-то заскучала.

— Что с тобою, дитя мое? — говорила не раз ей Марья, приголубливая ее. — Не больна ли ты? Ты все такая невеселая, совсем с личика спала. Уж не сглазил ли тебя недобрый человек?

А Снегурочка отвечала ей всякий раз:

— Ничего, бабушка! Я здорова...

Вот и последний снег согнала весна своими красными днями. Зацвели сады и луга, запел соловей и всякая птица, и все стало живей и веселее. А Снегурочка, сердечная, еще сильнее скучать стала, дичится подружек и прячется от солнца в тень, словно ландыш под деревцем. Ей только и любо было, что плескаться у студеного ключа под зеленою ивушкой.

Снегурочке все бы тень да холодок, а то и лучше — частый дождичек. В дождик и сумрак она веселей становилась. А как один раз надвинулась серая туча да посыпала крупным градом. Снегурочка ему так обрадовалась, как иная не была бы рада и жемчугу перекатному. Когда ж опять припекло солнце и град взялся водою, Снегурочка поплакалась по нем так сильно, как будто сама хотела разлиться слезами, — как родная сестра плачется по брату.

Вот уж пришел и весне конец; приспел Иванов день. Девки с села собрались на гулянье в рощу, зашли за Снегурочкой и пристали к бабушке Марье:

— Пусти да пусти с нами Снегурочку!

Марье не хотелось пускать ее, не хотелось и Снегурочке идти с ними; да не могли отговориться. К тому же Марья подумала: авось разгуляется ее Снегурушка! И она принарядила ее, поцеловала и сказала:

— Поди же, дитя мое, повеселись с подружками! А вы, девки, смотрите берегите мою Снегурушку... Ведь она у меня, сами знаете, как порох в глазу!

— Хорошо, хорошо! — закричали они весело, подхватили Снегурочку и пошли гурьбою в рощу. Там они вили себе венки, вязали пучки из цветов и распевали свои веселые песни. Снегурочка была с ними безотлучно.

Когда закатилось солнце, девки наложили костер из травы и мелкого хворосту, зажгли его и все в венках стали в ряд одна за другою; а Снегурочку поставили позади всех.

— Смотри же, — сказали они, — как мы побежим, и ты также беги следом за нами, не отставай!

И вот все, затянувши песню, поскакали через огонь.

Вдруг что-то позади их зашумело и простонало жалобно:

— Ау!

Оглянулись они в испуге: нет никого. Смотрят друг на дружку и не видят между собою Снегурочки.

— А, верно, спряталась, шалунья, — сказали они и разбежались искать ее, но никак не могли найти. Кликали, аукали — она не отзывалась.

— Куда бы это девалась она? — говорили девки.

— Видно, домой убежала, — сказали они потом и пошли в село, но Снегурочки и в селе не было.

Искали ее на другой день, искали на третий. Исходили всю рощу — кустик за кустик, дерево за дерево. Снегурочки все не было, и след пропал. Долго Иван и Марья горевали и плакали из-за своей Снегурочки. Долго еще бедная старушка каждый день ходила в рощу искать ее, и все кликала она, словно кукушка горемычная:

— Ау, ау, Снегурушка! Ау, ау, голубушка!..

И не раз ей слышалось, будто голосом Снегурочки отзывалось: «Ау!». Снегурочки же все нет как нет! Куда же девалась Снегурочка? Лютый ли зверь умчал ее в дремучий лес, и не хищная птица ли унесла к синему морю?

Нет, не лютый зверь умчал ее в дремучий лес, и не хищная птица унесла ее к синему морю; а когда Снегурочка побежала за подружками и вскочила в огонь, вдруг потянулась она вверх легким паром, свилась в тонкое облачко, растаяла... и полетела в высоту поднебесную.

Птица-найденыйш

Жил-был на свете лесник. Вышел он однажды в лес на охоту и забрался в самую чащу лесную; вдруг слышит он крик, будто маленький ребенок плачет. Пошел он навстречу и пришел, наконец, к высокому дереву; видит — сидит на верхушке маленький ребенок.

А дело было так: мать, должно быть, уснула под деревом вместе с ребенком, а хищная птица заметила, что лежит он на коленях у матери; прилетела та птица, схватила его и унесла на высокое дерево.

Взобрался лесник на верхушку, достал оттуда ребенка и подумал про себя: «А не взять ли его мне к себе домой на воспитание, чтоб рос он вместе с моей Ленхен?» Сказано — сделано: принес он ребенка домой, и стало у него теперь двое детей. И прозвали ребенка, что был унесен птицей и найден на дереве, Птицей-Найденышем.

Птица-Найденыш и Ленхен полюбили друг друга, да так сильно, что если, бывало, и разлучались, то всегда скучали один без другого.

А жила у лесника старуха-стряпуха. Взяла она однажды вечером два ведра и стала носить воду; и не раз ходила она к колодцу, а много-много раз. Увидела это Ленхен и говорит:

— Послушай, старая Занна, зачем ты так много водыносишь?

— Если ты никому не расскажешь, то я, так уж и быть, тебе скажу.

И ответила Ленхен, что никому не скажет, никому не расскажет об этом, и сказала стряпуха-старуха:

— Завтра поутру, когда лесник уйдет на охоту, я вскипячу воду, и когда вода в котле закипит, брошу в него Птицу-Найденыша и сварю его живьем.

На другое утро, раным-рано, встал лесник и отправился на охоту; дети еще лежали в постели. Вот и говорит Ленхен Птице-Найденышу:

— Если ты меня не покинешь, то и я тебя не оставлю.

И сказал ей в ответ Птица-Найденыш:

— Никогда!

Тогда Ленхен и говорит:

— Только тебе одному я и расскажу: вчера вечером притащила старая Занна в дом много ведер воды; я и спрашиваю у нее, зачем это столько воды, а она мне отвечает: «Если ты никому не скажешь, я уж тебе расскажу». А я ей говорю: «Никому не скажу». Тогда она мне и сказала, что рано утром, когда отец уйдет на охоту, вскипятит она полный котел воды и кинет тебя туда и сварит живьем. Так вот, давай поскорей подыматься, оденемся и убежим вместе.

Вот дети встали, быстро оделись и ушли. Когда вода в котле закипела, пошла старуха-стряпуха в спальню за Птицей-Найденышем, чтоб взять его и бросить в котел.

Вошла она в комнату, подходит к постели и видит, что дети ушли. Тогда она очень испугалась и говорит про себя: «Что мне сказать, когда вернется лесник домой и увидит, что дети куда-то ушли? Надо скорей за ними побежать и привести их назад».

Посылает старуха-стряпуха вслед за детьми трех работников, велит им бежать скорее и нагнать детей. А дети сидят себе на опушке лесной и издали видят, как бегут трое работников. Вот Ленхен и говорит Птице-Найденышу:

— Если ты меня не покинешь, то и я тебя не оставлю.

Отвечает ей Птица-Найденыш:

— Никогда!

И сказала Ленхен:

— Обернись ты розовым кустом, а я — розой на нем.

Подходят трое работников к лесу и видят один только розовый куст да розу на нем, а детей нигде нет как нет. Вот они и говорят:

— Да что тут найдешь?

Воротились они домой и рассказали старухе-стряпухе, что ничего не видали, кроме розового кусточка и розы на нем. Стала бранить их старуха-стряпуха:

— Ах вы, простофили, надо было вам разрубить надвое розовый куст, а розу сорвать и принести мне домой. Ну, живей, да сделайте так, как я вам велю.

И пришлось им снова идти на поиски. А дети увидели работников издали, и говорит Ленхен:

— Птица-Найденыш, если ты не покинешь меня, то и я тебя не оставлю.

И ответил Птица-Найденыш:

— Никогда!

Тогда Ленхен сказала:

— Так стань же ты церковкой, а я в ней венцом!

Вот подходят трое работников и видят одну только церковь да венец внутри. И говорят между собой: «Да что нам тут делать, давай вернемся домой». Приходят они домой, и спрашивает у них старуха-стряпуха, нашли ли они детей; и ответили они, что ничего, мол, не нашли, кроме церкви да венца внутри.

— Ах, дураки вы, дураки, — стала бранить их старуха-стряпуха, — отчего же вы не разломали ту церковь и не принесли мне венца?

Вот собралась тогда в дорогу сама старуха-стряпуха, и пошла она вместе с тремя работниками разыскивать детей. А дети издали увидели, что идут трое работников и вслед за ними ковыляет старуха-стряпуха. И говорит Ленхен:

— Птица-Найденыш, если ты меня не покинешь, и я тебя не оставлю.

Отвечает ей Птица-Найденыш:

— Никогда!

И сказала Ленхен:

— Обернись ты озером, а я уткой на нем!

Вот подходит старуха-стряпуха и видит перед собой озеро; ложится она на землю и хочет всё озеро выпить. Но тут подплыла быстро к ней утка, ухватила ее своим клювом за голову и стала тащить в воду, — и утонула старая ведьма.

Вернулись тогда дети вместе домой, и стало им весело-весело; и если они еще не умерли, то живут, пожалуй, еще и до сих пор.

Екатерина Георгиевна Карганова

Жил-был на свете маленький Щенок. Он был совсем-совсем ничей. Не было у него дома, не было друга, даже имени никакого не было. Просто Щенок — и всё!

Но Щенка это ничуть не огорчало. Наоборот, он был очень доволен и громко распевал песенку, которую сочинил сам:

Ах, как чудесно,
Как чудесно,
Как замечательно,
Что я — ничей,
Да-да, ничей,
Совсем ничей!
Мне слушать старших,
Слушать старших
Не обязательно,
И мне не надо —
Да, да, не надо —
Иметь друзей!

Большой белый Гусь услышал песенку Щенка и покачал головой:

— Не такая уж это большая радость, когда ты — ничей! Каждый должен быть кому-то нужен. Без этого нельзя!

Но маленький Щенок не обратил на его слова никакого внимания. Он даже не повернул голову в сторону Гуся, хотя это было совсем невежливо. Он свернул хвост бубликом и сделал вид, что ничего не слышит.

— Могу пойти туда!— и Щенок прыгнул вправо. — Могу пойти сюда!— и он прыгнул влево. — А могу перебежать дорогу перед самым носом у грузовика!

Так сказал Щенок и недолго думая бросился наперерез зелёному грузовику.

— Би-и-ип! Вж-ж-ж! — со скрежетом и свистом на полном ходу затормозил грузовик.

Щенок взвизгнул, и в тот же миг большая рыжая Кошка схватила его за шиворот и потащила прочь с дороги.

— Отпустите! Сейчас же отпустите меня! — отчаянно визжал Щенок, пытаясь вырваться.

Но добрая рыжая Кошка отпустила его только тогда, когда они оказались в безопасном месте.

Едва почувствовав под ногами землю, Щенок затопал, возмущённо замахал хвостом и закричал:

— Не смейте таскать меня за шиворот! Я не котёнок! Я не ваш! Я ничей!

— Очень жаль! — тихо сказала Кошка и сочувственно посмотрела на маленького забияку.

— Вот ещё! — тьякнул Щенок, гордо поднял голову и прошёл мимо Кошки.

Светило жаркое солнце, зеленела трава, щебетали птицы. Щенок уже забыл о недавнем происшествии и беззаботно скакал по лужайке, гоняясь за собственным хвостом. Однако это занятие ему скоро надоело, и он стал слоняться по двору просто так.

Под большим деревом он увидел Крольчиху. Она кормила маленького Крольчонка зелёными веточками. А Крольчонок шевелил пушистыми ушами, смешно дёргал носом и перебирал веточки, выискивая те, что были потоньше и повкуснее.

Щенок подошёл поближе, понюхал ветки и презрительно фыркнул:

— На первое — трава, на второе—дрова!

Крольчиха удивлённо посмотрела на Щенка и сказала:

— Ты не очень-то вежлив, малыш! Ты даже не поздоровался. Чей ты?

— Здравсте-до свидания! — кривляясь, поклонился Щенок и, вызывающе взглянув на Крольчиху, добавил: — Ничей я, понятно?!

— Ах, бедняжка! — вздохнула Крольчиха и ласково погладила по голове своего Крольчонка.

А Щенок подбросил вверх задние ноги и кубарем покатился с горки, озорно выкрикивая на ходу:

Кролик, кролик — голова!

Вместо мяса ест дрова! Э-эх, гав!

Он так стремительно нёсся, что чуть не сшиб с ног Утку с утятами. Вовремя отскочив в сторону, Щенок спрятался в кусты и оттуда стал подглядывать за утиным семейством.

Утка подошла к берегу пруда, взяла одного утёнка за крылышко и подтолкнула к воде.

— Эй-эй-эй! — залаял на Утку Щенок, выскочив из-за куста.— Не смейте бросать их в воду! Это вам не камушки!

И, не дожидаясь ответа, бросился к утятам.

— Она же вас утопит! — кричал он.— Бегите, пока не поздно! Я её задержу! Тяв! Тяв-тяв! Тяв! — грозно залаял он на Утку.

Утка внимательно посмотрела на Щенка и пожала плечами.

А утята дружно запищали, быстро-быстро замахали крохотными крылышками и побежали в воду!

— Эй! Куда вы? — пытался остановить их Щенок, но, испугавшись воды, отскочил в сторону. — Ведь утонете же, растяпы! — в отчаянии топнул он ногой.

И в самом деле, утята качнулись на воде, как маленькие жёлтые кораблики и, словно по команде, пошли под воду...

— Эх, лютики-одуванчики! Всё! Конец! — безнадёжно махнул Щенок лапой и с ненавистью посмотрел на Утку.

Но Утка не обиделась. Она подошла к Щенку, тронула его за плечо и кивнула в сторону пруда.

Там, беззаботно раскачиваясь на лёгких волнах, плавали утята.

Щенок от удивления разинул рот.

— Ты зря беспокоился, малыш! — сказала Утка.— Как тебя зовут? — спросила она Щенка.

— Никак! — буркнул он в ответ.

— А где ты живёшь?

— Нигде!

— А кто твои родные, друзья? — продолжала расспрашивать Утка.

— Никто! — огрызнулся Щенок.

— Ка-ак?! — всплеснула крыльями Утка.— Значит, ты — ничей?!

— Ага! Ничей! — хвастливо воскликнул Щенок и от восторга завертелся волчком.

Утка совершенно не могла понять, чему радуется этот маленький глупенький Щенок, и очень дружелюбно предложила:

— Хочешь дружить с моими утятами? Поплавай с ними в пруду!

— Купаться?! — возмутился Щенок.— Ха! Да я никогда в жизни не купался! И никакие друзья мне не нужны! — решительно заявил он и, презрительно вильнув хвостом, побежал прочь, громко распевая:

Ах, как чудесно,
Как чудесно,
Как замечательно,
Что я — ничей,
Да-да, ничей,
Совсем ничей!
Мне слушать старших,
Слушать старших
Не обязательно,
И мне не надо —
Да-да, не надо —
Иметь друзей!..

В общем, у Щенка было отличное настроение. Но птичка, маленькая жёлтая птичка, в один миг испортила его. Она сидела на ветке и кормила мошками-букашками своих ненасытных птенцов.

Щенок взглянул на них и облизнулся. Ему вдруг очень захотелось есть. Пошарив в траве, он нашёл кустик, отгрыз веточку, пожевал её — ведь ел же ветки маленький Кролик! — но тут же плюнул: «Фу!»

Щенок тоскливо посмотрел вокруг, потянул носом, почувствовал какой-то удивительный запах... и помчался разыскивать еду.

Голубая миска, до краёв наполненная молоком, стояла недалеко от крыльца. Рядом никого не было. Щенок решительно подошёл к миске, понюхал молоко — и от удовольствия закатил глаза: вкусно! Потом он макнул в молоко лапу и лизнул её. Очень вкусно!

Теперь главное — чтобы никто не помешал! Он уселся перед миской поудобнее, но тут...

— Хи-хи! Хи-хи-хи! — засмеялся кто-то совсем рядом.

Щенок обернулся — сзади стоял рыженький Котёнок.

— Чего хихикаешь? — твякнул на него Щенок.

— Просто так!

Котёнок шагнул к миске, но Щенок со всей силой ударил по ней ногой:

— А я вот так!

Миска опрокинулась, и молоко широкой лужей растеклось по земле.

— Мя-а-у! Ма-а! — громко заплакал от обиды рыженький Котёнок и побежал под крыльцо.

Щенок на всякий случай бросился наутёк...

Светлое тёплое утро сменил жаркий полдень.

Словно огромное раскалённое колесо, висело на небе солнце.

Маленький Щенок пытался от него скрыться под листом лопуха, в траве, за большим камнем, но солнечные лучи настигали его всюду.

Щенок разозлился. Он громко тьякнул на солнце и побежал. Он решил, что солнце ни за что его не поймает! Но не тут-то было! Бежал Щенок — и катилось по небу солнце. Щенок остановился — и солнце застыло прямо над самой его головой.

— Ну, погоди! — погрозил ему Щенок и вскочил на песочную кучу.

Через секунду вихри песка полетели в воздух!

— Р-р-р! Р-р-р! — сердито рычал Щенок и раскидывал песок передними и задними лапами.

Наконец он совершенно выбился из сил, остановился, взглянул на солнце и... обомлел.

Небо затянуло серой дымкой. Солнце потускнело, стало гаснуть, и через минуту на его месте появилась огромная чёрная туча. И тут же большущая водяная капля шлёпнулась Щенку на нос! За первой каплей на землю упало ещё несколько, а через минуту сосчитать их было уже невозможно. Начался ливень!

Под крыльцо! Не раздумывая, он бросился через весь двор, но вдруг остановился, помчался обратно — и снова остановился, жалобно заскулил и остался стоять посреди двора под проливным дождём.

Ни под крыльцо к рыжей Кошке, ни в клетку к Крольчихе, ни под корыто к Утке Щенок пойти не мог.

Он всем нагрубил, всех обидел, а Котёнка оставил без обеда.

Дождь лил всё сильнее и сильнее.

Потоки воды стекали с маленького продрогшего Щенка.

Идти ему было некуда, и некому было о нём подумать: ведь Щенок был совсем-совсем ничей. И вдруг... «Неужели кончился дождь?!» Щенок взглянул вверх и увидел над собой белое крыло. Он сразу узнал Гуся.

— Ты не возражаешь? — спросил его Гусь.

Промокший до последней шерстинки Щенок виновато замотал головой.

— Идём! — решительно заявил Гусь и быстро зашагал по двору. Под его крылом, не отставая ни на шаг, семенил продрогший Щенок.

Проходя мимо кроличьей клетки, Гусь замедлил шаг и вежливо поклонился:

— Добрый день, матушка Крольчиха! — сказал он и посмотрел под крыло на Щенка.

— Добрый день, матушка Крольчиха! — едва слышно повторил Щенок и тоже поклонился.

— Здравствуй, дружок! — приветливо ответила Крольчиха и улыбнулась.

Гусь зашагал дальше. За ним послушно следовал маленький Щенок.

Небо постепенно прояснилось, дождь утих.

В нарядной жёлтой будке с зелёной крышей жил огромный красивый пёс Полкан.

Гусь вытянул шею и постучал клювом по крыше. Ждать пришлось не долго. Полкан выглянул из будки и добродушно пробасил:

— Р-р-рад! Очень р-рад! Здр-р-равствуйте! Добр-ро пожаловать!

Он протянул большую мохнатую лапу и поманил Щенка. Тот вопросительно взглянул на Гуся и, получив разрешение, вышел из-под крыла.

— Здравствуйте,— сказал он Полкану и подошёл к будке. Прежде чем войти в неё, Щенок посмотрел на Полкана и спросил: — Теперь я буду ваш? И буду здесь жить? Насовсем?

Полкан захохотал, сгрёб Щенка в охапку и сунул под мышку:

— Насовсем!

Маленький Щенок выглянул из-под мохнатой морды Полкана и очень серьёзно сказал:

— Не такая уж это большая радость, когда ты – ничей! Каждый должен быть кому-то нужен. Без этого нельзя!

Екатерина Георгиевна Карганова

Надо ли собаке кукарекать?

Курица Федосья хотела быть кем угодно, только не курицей. Лезли ей в голову самые глупые мысли.

А как быть не курицей, если ты курица? Может, нацепить на голову рога и выдавать себя за корову? Или вместо «Ко-ко-ко» говорить «И-го-го!» и объявить всем, что ты — лошадь? Или лечь в лужу и хрюкать, чтобы все подумали, что ты не курица, а хрюшка? Или влезть в воду и вообразить себя лебедем? Лебедем всё равно не станешь, а мокрой курицей будешь обязательно. Да и то, если из воды успеют вытащить. Иначе — прощай Федосья со своими куриными фантазиями!

Но Федосья думала по-другому. О своих фантазиях она рассказала общему любимцу Двора — разумному и справедливому кудлатому псу Кирюше.

Кирюша внимательно выслушал Федосью и сказал:

— А бегемотом стать не хочешь? Или, может быть, слоном?

— А что? — ответила курица. — Я не прочь!

«Да уж, правду говорят — куриные мозги», — подумал Кирюша, но вслух этого не сказал, чтобы не обидеть Федосью.

— А яйца высиживать, цыплят выводить слон будет? Или бегемот?

Курица подумала, что слон или бегемот, пожалуй, все яйца подавят. Но Федосья была курицей упрямой и своевольной и уступать Кирюше не собиралась.

— Тогда буду путешественницей и отправлюсь в дальние страны. Африка, ко-ко-ко! Бананы! Аво-ко-кадо! — раскудахталась Федосья, трянула гребешком, затрепыхала крыльями и важно зашагала со двора.

Кирюша так и сел! А потом вскочил и бегом за Федосьей.

— Какое авокадо?! Опомнись, Федосья! Мало того, что я каждый день по Двору, по Саду бегаю — ищу, где тебе взбрело в голову яйцо снести. Так

теперь ты ещё и в путешествие собралась. Так порядочные куры не поступают! Совесть у тебя есть?

— Ах, кудах-тах-тах! Ты ещё и грубишь? — оскорбилась Федосья. — Всё! Ухожу! Навсегда! — и понеслась прямо к лесу.

— Вернись! Сейчас же вернись! Кто цыплят-то высиживать будет?!

Кирюша бросился за курицей и почти догнал её у куста лопуха, но тут произошло невероятное: Федосья прямо на глазах у Кирюши как сквозь землю провалилась. Была — и нет её!

Бедный пёс ворошил листья, заглядывал под кусты, метался вправо-влево, бежал вперёд, возвращался назад — нет Федосьи и всё!

Кирюша даже завыл от отчаяния! Но не бросать же одинокую, неразумную курицу на произвол судьбы? Она слабая, беззащитная, её кто хочешь обидеть может. Надо искать!

Тут засвистела над его головой синичка Валентина.

— Свирь! Свирь-свирь! Уж не клад ли ты ищешь? Всё переворошил вокруг!

— Клад, клад! Да от такого клада не то что богатство — одно горе наживёшь! — ответил в отчаянии Кирюша.

— Свирь-свирь! А тогда зачем ищешь? — удивилась синичка.

— Так ведь цыплят высиживать некому — сбежала курица!

Пробегала мимо полевая мышка Варвара. Кирюша — к ней:

— Погоди, Варварушка, послушай! Беда у нас! Ты по полям, по садам бегаешь, не попадалась ли тебе где-нибудь Федосья, курица пёстрая? Ушла из дома и пропала. Кто теперь цыплят высиживать будет? Да и жалко её, глупую. Пропадёт ведь!

— Ох, беда-беда, пи-пи-пи! Ох, горе-то какое, пи-пи-пи! — пропищала мышка. — Не видала я твоей Федосьи. И в поле была, и в саду была, а курицы твоей не встретила.

Выкатился тут на тропинку ёжик Егорка.

— Чуф-чуф-чуф! — зафырчал он. — Слышал я, о чём вы тут толкуете. Только зря ты, Кирюша, стараешься. Будешь бегать — только ноги собьёшь. Курица твоя Федосья давно уж к лисе Алиске в лапы угодила. Видел я её, шныряла тут. Искала, чем поживиться. Жаль мне тебя огорчать, да теперь уж горю не поможешь.

— Ну, нет! — рассердился Кирюша. — Не бывать тому! Р-р-раз такое дело, Алиску из-под земли достану! За хвост вытащу, а Федосью освобожу! Бежим вместе, Егорка. Дорогу покажешь.

Бежит Кирюша по лесу — только пятки сверкают. За ним ёжик Егорка клубком катится, еле поспевает.

— Куда дальше? — запыхавшись, спрашивает Кирюша. — Где Алискин дом, показывай!

Подкатился ёжик к поваленному дереву, прошмыгнул под ним и остановился возле низкого домика. Двери и окна заперты, а из трубы дымок тянется.

— Здесь! Тут лиса Алиса и живёт. Только боюсь, опоздали мы!

— Гав-гав-гав! — что есть силы залаял Кирюша. — Отворяй двери, Алиса! Не то разнесу твой дом — щепки по лесу разлетятся. Выходи сейчас же!

Щёлкнул замок, и дверь приоткрылась. Лиса выглянула, посмотрела на Кирюшу, на Егорку и пропела сладким голосом:

— Ах-ах-ах! Какие гости пожаловали! А я и не ждала, ничего не приготовила. Чем же вас угощать-то буду?

— Я сам тебя как следует угощу, если не скажешь, куда Федосью-курицу нашу дела?! Ей цыплят высиживать надо!

— Да ты никак взбесился, Кирилл? Тебе прививку делать надо. От бешенства! Стану я с вашей Федосьей связываться! Да разве у неё ума хватит одной до леса дойти? А к вам во Двор я и сама не пойду — некогда мне!

«И правда, — подумал Кирюша, — яйца нести, где попало, Федосья может. А в лес не пойдёт. Испугается».

Лиса захлопнула дверь и выглянула в окошко:

— Да! Насчёт цыплят. Мой тебе совет — высиживай сам. Тепла в твоей шерсти больше, чем в куриных перьях. Вон ты какой лохматый! — Лиса кокетливо помахала хвостом. — Прощайте, господа!

— Ну, смотри, Алиска! — крикнул ей вдогонку ёжик Егорка. — Нарвёшься когда-нибудь на мою самую острую иголку!

А Кирюша сказал:

— Видно, и вправду нет у неё Федосьи. Побегу домой, может, она уже вернулась. До свидания, дружище! Спасибо, что помог!

Дома Кирюша обыскал весь Двор, обшарил все углы — курицы нигде не было. «Делать нечего, — подумал он и подошёл к плетёной корзине, в которой лежала дюжина совершенно одинаковых белых яиц, — придётся высиживать цыплят самому. Ведь не кошку, не козу и уж конечно не корову приглашать для такого ответственного и хрупкого дела».

И он очень осторожно улёгся на корзину. Много дней прошло. Ровно столько, сколько нужно, чтобы из яиц вылупились двенадцать цыплят — жёлтых, пушистых, шустрых, с крохотными клювиками и чёрными глазками-бусинками. И появились они только благодаря Кирюше. Уж как

он старался, как оберегал, согревал каждое яичко! Как не допускал никого к корзине! Боялся отойти от неё, чтобы попить-поесть. Даже похудел!

Никто во Дворе не посмел над ним смеяться, называть курицей-наседкой. Хотя на самом деле он-то и был настоящей наседкой.

Цыплята считали Кирюшу своей матерью, бегали за ним по пятам, прятались у него под животом, между лапами и даже норовили залезть в большие лохматые уши.

— Кирюша, — шутливо спрашивала его козочка Евгения, — а чему ты будешь их учить — кудахтать, кукарекать или лаять?

— А может быть, ты сам научишься кукарекать, искать червяков и клевать пшено? — подшучивала над ним свинка Авдотья.

Кирюша не обижался. И так же шутливо отвечал:

— Кто знает, может быть, и научусь!

Но учиться кудахтать и кукарекать Кирюше не пришлось. И клевать пшено тоже.

Однажды, ранним летним утром, когда цыплята дружной стайкой окружили Кирюшу и о чём-то хором пищали, он увидел, как во Двор вошла... курица! Худая, глаза тусклые, красный гребешок опрокинулся набок, в хвосте не хватает перьев... И всё-таки это была Федосья — непутёвая путешественница! Кирюша сразу узнал её. И очень обрадовался!

Сбежались все обитатели Двора. Они мычали, хрюкали, крякали и мяукали от радости! Кирюша собрал всех цыплят вместе, подвёл к Федосье и сказал:

— Вот, все двенадцать. Живы и здоровы. Принимай!

Курица Федосья робко подошла к Кирюше, посмотрела на цыплят, которые жались к его ногам, и сказала:

— Прости меня, Кирюша! Я такая глупая! Вообразила невесть что. Большое тебе спасибо! Как хорошо дома!

«Э-э, — подумал Кирюша, — если курица понимает, что родной дом никакие авокадо не заменят, значит, неправильно говорят — «куриные мозги». А Федосье сказал:

— Нечего мне тебя прощать. Ты вернулась, и это очень хорошо. Я рад!

О том, что Федосья, убегая, провалилась в какую-то нору и вышла из неё совсем в незнакомом месте, заблудилась и долго скиталась, пока наконец не нашла свой Двор, она рассказала Кирюше потом.

Цыплята скоро привыкли к Федосье и бегали то за ней, то за Кирюшей. А Кирюша смотрел на Федосью, на цыплят, радовался и думал: «Как хорошо, что мне не надо учиться кукарекать».

Аветик Саакович Исаакян

На людной улице, где жили одни богачи, сидел, прижавшись спиной к стене большого дома, оборванный мальчик; то и дело он протягивал руку за подающим.

Была ранняя весна, близкие горы уже зеленели, и красное солнышко смотрело на землю еще приветнее.

По улице взад и вперед сновали прохожие, и никто как будто бы не видел, не замечал несчастного сироту.

Когда солнце начало мало-помалу закатываться за близкие зеленеющие горы, внезапно подул сильный ветер, и маленький бездомный оборвыш стал мерзнуть.

- Ах, красное солнышко, доброе солнышко, только ты давало мне тепло, куда же ты уходишь? Не оставляй меня одного - здесь так холодно... Нету у меня ни матери, ни отца, куда и к кому я теперь пойду? Я к тебе хочу, возьми меня с собой, милое солнышко...

Так говорил про себя этот мальчик, и горькие слезы катились по бледному его лицу. А люди шли, каждый торопился к себе домой, и никто не видел и не слышал его, никто и не хотел видеть и слышать его...

Солнце зашло за гребни гор и больше не показалось.

- Доброе солнышко, я знаю, ты ушло к своей маме... Я знаю, ваш дом вон за той горой, и я приду к тебе... Сейчас, сейчас приду...

Дрожа от холода, порой держась за стены домов, долго ли, коротко ли шел мальчик к солнцу, наконец, выбрался за город и стал взбираться на гору. Трудно было лезть по крутому, каменистому склону, обессиленный мальчик больно ударялся то ногой, то рукой о камни, но каким-то чудом он продолжал подниматься все выше и выше.

Опустился на землю вечер, и зеленая гора вся заволочлась черной пеленой. И над ее вершиной заблестали звезды, словно манящие, радующие глаз огоньки.

Дул, завывая в ущельях и между скал, пронизывающий ветер, иногда в воздухе проносились чернокрылые летучие мыши.

Мальчик бесстрашно и упорно шел вверх, и вдруг он услышал лай собак, а немного погодя - раздавшийся вблизи громкий голос:

- Кто ты? Куда ты идешь?

- Я путник, иду к солнцу, скажи, где его дом, близко или далеко?

Из темноты выступил с горящей лампой в руке какой-то человек и сказал:

- Ты очень устал, наверное, и голоден, пойдём ко мне. Отец и мать у тебя, видно, люди дурные, если среди ночи ты здесь оказался.

- Нету у меня отца и матери, сирота я бездомный.

- Пойдем, сынок, пойдём ко мне, - повторил этот добрый человек и, взяв мальчика за руку, повел его к себе домой.

В жалкой лачуге, куда они вскоре вошли, вокруг очага сидели трое детей и их мать. В примыкавшем к жилищу скотном дворе теснились овцы. Хозяин дома был пастухом.

- Дорогие мои дети, - сказал хозяин дома, - я привел к вам мальчика, который будет вашим братом. Теперь у меня не трое сыновей, а четверо. Тот, кто кормит троих, прокормит и четверых. Подойдите же и поцелуйте вашего нового братца.

Жена пастуха первая подошла к мальчику, обняла его и по-матерински расцеловала. Подошли и дети - поочередно почмокали его в щеки, как брата.

Мальчик от радости плакал, поплачет, перестанет, и опять - в слезы.

Потом, возбужденные, растроганные, они сели за стол, потом мать постлала детям постель и уложила их рядом с собой. Мальчик был очень утомлен, заснул, как только закрыл глаза.

Во сне он блаженно улыбался, ему снилось, будто он уже у солнца и будто обнял его и, счастливый-счастливый, сладко спит.

Вдруг от радостного волнения, переполнившего сердце, мальчик проснулся - и видит: не солнце он обнял, а братьев своих и крепко-крепко держит мать за руку.

И мальчик понял, что дом, где ему так тепло и отрадно, как раз и есть дом солнца.

Доктор Съюз.

(перевод с английского - Маши Лукашкиной)

Слон Хортон высиживает яйцо

Красавица Мейзи – ленивая птица,
Которая ярким нарядом гордится, –
В гнезде, изнывая, весь день просидела...
Высиживать яйца – скучнейшее дело!
– Сиди, и сиди, и сиди без конца,
Пока не послышится писк из яйца! –
Так Мейзи сказала, унынья полна...
Зевнула. И тут увидала слона.
– Какая удача! Слон Хортон! Вы здесь!..
К вам просьба одна, хоть и малая, есть.
Усядьтесь на это яйцо, вот сюда... –
А слон засмеялся...
– Вы шутите, да?
– Я с дерево ростом и вешу пять тонн! –
Услышала Мейзи. – Я всё-таки слон!
– И что же? – она возразила тотчас. –
Зато сколько мягкости, нежности в вас!
Я мигом вернусь! Но сперва отдохну... –
Захныкала Мейзи. –
    Пожалуйста! Ну-у-у!..
– Попробую, – слон обещал осторожно. –
Но вы возвращайтесь скорей, если можно!
Птенец не погибнет. Я слово сдержу!..
В ответ прочирикала птичка: – Спешу!
А слон?.. Он подпорку покрепче нашёл,

Поставил под дерево...
– Так... Хорошо!
И медленно-медленно, и осторожно,
И так деликатно, как только возможно,
Полез по стволу...
И попал наконец
В гнездо,
Где дремал под скорлупкой птенец.
Присел на яйцо.
И сидел, и сидел...
Вдруг ветер подул, ураган налетел.
И небо сверкало, и гром грохотал...
Слон Хортон сидел и под нос бормотал:
– Я вымок до нитки! А дождь всё идёт...
Надеюсь, что Мейзи вернётся вот-вот!
А Мейзи в то время лежала на пляже.
Она о птенце и не вспомнила даже!
Тепло на Таити. Легко и приятно.
Лететь и не думала Мейзи обратно!
...Уж ветер осенний деревья раздел,
А Хортон сидел на гнезде и сидел.
Зима наступила. Мороз затрещал.
А Хортон сидел и гнездо защищал.
Хоть буря мела, ударяя в лицо,
Слон думал:
– А всё же согрето яйцо!
Сидел на гнезде – и ещё посижу.
Птенец не погибнет. Я слово сдержу!
Зима отступила... Пробилась трава.
На дереве вновь появилась листва.
Цветочки вокруг расцвели без числа...
Но новые беды весна принесла.
Лишь стало тепло, обитатели леса
Вкруг дерева встали, глядят с интересом.
Кто шутит, кто дразнится, кто веселится:
– Слон Хортон не слон, а огромная птица!
От глупых насмешек болит голова...
Но слон всё сидит, повторяя слова:
– Сидел на гнезде – и ещё посижу.

Птенец не погибнет.
Я слово сдержу!
Приятели в лес убежали гулять.
Сидит в одиночестве Хортон опять.
И всё б ничего, но ему на беду
Охотники тихо подкрались к гнезду...
Слон Хортон успел оглянуться... Тотчас
Три дула нацелились Хортону в глаз!
Был в ужасе слон. Но не бросил гнезда.
Он выпятил грудь и сказал:

– Господа!

Я с дерево ростом. И весь на виду.
Стреляйте, коль хочется. Я не уйду!
Охотники долго смеялись в ответ.
– Такого мы прежде не видели, нет!
– Вот это находка!.. На дереве слон!
– Неужто и вправду?
– Неужто не сон?!

Охотники ружья свои побросали.
И, бороды дружно пригладив, сказали:
– Поймаем слона. Ну, а там поглядим!
Приручим. А, может, и в цирк продадим!
Один из охотников ствол подкопал,
Стараясь, чтоб слон из гнезда не упал.
Другие коней отыскивали с трудом,
Достали телегу огромную, – с дом.
По горным дорогам отправились в путь.

И слон повторял:

– Ничего! Как-нибудь...

Сидел на гнезде – и ещё посижу.
Птенец не погибнет. Я слово сдержу!
Два дня миновало с той самой поры,
Когда на телеге спустились с горы, –
И Хортон увидел: бушует прибой...
Лежит перед ним океан голубой.
И вот уже слон на борту корабля.
И кто-то командует:

– Право руля!

Неделю штормило. И ливень косил.

И ветер корабль, словно щепку, носил.
Раскрыл океан свою страшную пасть...
И Хортон ужасно боялся упасть:
– Сидел на гнезде – и ещё посижу.
Птенец не погибнет. Я слово сдержу!
Неделя прошла. Капитан корабля
Решительно с мостика крикнул:
– Земля!
И вот уж корабль направляется в порт.
Слон Хортон – на дереве – спущен за борт.
Охотники с цирком затеяли торг.
Весьма деловой этот город, – Нью-Йорк.
Слон Хортон сидит на гнезде! И за то
Он продан – и дорого! – в цирк шапито.
Повсюду – от Лондона до Амстердама –
Большие афиши, в газетах реклама.
И в городе каждой картина одна:
Приходит народ поглазеть на слона.
Такое вниманье любого обидит!
Но слон его будто бы вовсе не видит...
– Пускай я посмешищем в цирке сижу,
Птенец не погибнет. Я слово сдержу!
Отправился цирк на Таити... И кто
Всех раньше заметил шатры шапито?
Ну, кто?.. Догадаться об этом пустяк.
Бездельница Мейзи, – она! Это так.
Спросила у Хортоня прямо с порога:
– Мы, кажется, с вами знакомы немного?..
И слон побелел... Как бумага. Как мел.
Но вымолвить слова в ответ не сумел,
Поскольку в яйце вдруг послышался звук,
Похожий на стук молоточка: «ТУК-ТУК!»
И слон закричал, просветлев:
– Наконец!
Я так тебя ждал, мой любимый птенец!
А Мейзи сейчас же чирикнула: – Вздор!
Яйцо не твоё, а моё!.. Ты же вор!..
Украл и гнездо, и яйцо, и птенца!.. –
Вот стыд!.. Слон поднять был не в силах лица.

Но тут из яйца вдруг послышалось: «КРЭК!»
И ахнули зрители, – сто человек.
«КРЭК, КРЭК!» – скорлупа развалилась на части...
И вылетел... кто же?
Слонёнок – отчасти!
– Смотрите, птенец, у которого хобот! –
Раздался в толпе одобрителный хохот.
– Птенец?..
– Не птенец! А, скорей, СЛОНОПТИЦА!..
Но так и обязано было случиться!
Обязано!.. Так и случилось в конце.
Ведь это же Хортон сидел на яйце!
В волну штормовую. Холодной зимой...
И слон возвратился с сынишкой домой.

Самуил Яковлевич Маршак

Курочка Ряба и десять утят

Знаешь сказку про деда и бабу
И курочку рябу?
Если ты ее знаешь,
Могу я
Рассказать тебе сказку другую.
Жили-были другие дед и баба,
И была них другая курочка ряба.
Снесла курочка яичко,
Не золотое,
Простое.
Не всмятку
И не крутое,
А самое обыкновенное —
Сырое.
Мышка бежала,
Хвостиком махнула —
Яичко упало
И разбилось.
Горько плачет
Курочка ряба.
Пожалела курочку
Баба,
Прибежала в курятник с корзиною,
А в корзине — яйца утиные,
Не одно, а целый десяток.
— Высиживай, ряба, утят!
А рябая курочка рада.
Ничего ей больше не надо.
Принялась она сразу за дело —

Весь десяток высиживать села.
Дни и ночи сидит напролет.
Редко-редко поест и попьет.
Скоро вылупились у наседки
Из скорлупок пушистые детки —
Целый десяток
Желтых утят.
Запищали один за другим:
— Есть хотим!
Пить хотим!
Жить хотим!
На цыплят они не похожи:
На ногах — перепонки из кожи,
А носы у них плоские, длинные,
Не куриные,
А утиные.
Вышла с детками курочка-мать
Из ворот погулять, поклевать.
Разгребает землю проворно,
Ищет лапкою крошки и зерна.
Отыскала и кличет утят,
А утята идти не хотят —
Убежали куда-то в канавку,
Щиплют клювами свежую травку.
А у курицы
Короток нос,
До утиного не дорос.
Хорошо ей клевать зерно,
А траву щипать мудрено.
Ковыляют утята за курицей,
По зеленой спускаются улице.
Увидали широкий пруд,
Побежали к воде — и плывут,
Воду пьют, обгоняют друг друга...
А наседка кричит с перепугу:
— Куд-куда! Куд-куда! Вы куда?
Иль не видите? Это вода!
Уж такая курица птица,
Что воды, как огня, боится.
А утята, почуяв свободу,
Так и режут студеную воду.
Выходить из воды не хотят.
Смотрит курица-мать на утят,
Беспокойно по берегу ходит,

Глаз с детей непослушных не сводит.
— Ко-ко-ко! — говорит. — Ко-ко-ко!
Вы утонете! Там глубоко!
И сама она в воду пошла бы,
Да не плавает курочка ряба!
Возвращаются девять утят,
Вперевалку выходят, спешат.
Только младший вернуться не хочет,
Машет крыльями, голову мочит.
Увидал плавунца — и нырнул.
А наседка кричит: — Караул!
Самый младший сынок утонул!
Вот и вышел утенок десятый,
Да ушли остальные утята —
Друг за дружкой цепочкой идут
И в другой направляются пруд.
Добежать им осталось немножко.
Вдруг навстречу — усатая кошка.
Притаилась она за травой,
Только водит слегка головой,
На утят ковыляющих щурится.
Да ее заметила курица.
Поглядела сердитым глазом,
Пух и перья взъерошила разом
И, хоть прежде летать не умела,
Над землею стрелой полетела.
Налетела и ринулась в бой,
Всех утят прикрывая собой.
Плохо кошке пришлось в этой схватке.
Удирает она без оглядки
По траве между кочек и пней.
А наседка —
Вдогонку
За ней —
Через ямы, бугры и ухабы...
Ну и храбрая курочка ряба!

СКАЗКА СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ

*Сказка – ложь, да в ней намек,
добрым молодцам урок*

Александр Сергеевич Пушкин

Когда дети сталкиваются с какими-нибудь проблемами, то приходят к нам, взрослым, за советом, помощью, поддержкой. Но бывает так, что способы, которые мы предлагаем, бывают слишком сложными для восприятия детей или попросту для них не подходят. И здесь на помощь может прийти сказка.

Сказка – это практически маленькая модель мира, понятная детям. Сказка помогает ребенку легким и доступным путем найти ответы на сложные вопросы морали, нравственности. Она подсказывает решение в трудных ситуациях, также в ней описываются чувства, возникающие у ребенка, которые могут быть связаны с совершенно различными событиями жизни. Именно благодаря сказкам начинается знакомство ребенка с человеческими отношениями, формируются начальные понятия о добре и зле, подлости и благородстве, дружбе и предательстве. Сказка учит, как вести себя в разнообразных ситуациях – когда на пути возникают препятствия, когда тебя обидели, когда кто-то просит помочь. Это достигается за счет того, что чаще всего ребенок ассоциирует себя с главным героем, таким образом, он косвенно встречается с определенной проблемой лицом к лицу и успешно решает ее. Таким образом, ребенок не только учится понимать, что любая проблема решаема, но и усваивает то, как можно ее решить (победить страхи и/или комплексы).

В этом разделе мы выбрали произведения, которые научат ребенка не опускать руки даже в сложных жизненных ситуациях, помогать тем, кто оказался в беде, быть добрыми и отзывчивыми, трудолюбивыми и послушными.

Если Вы будете внимательными к своему ребенку в момент прочтения книги, то можете понять, что его в данный момент тревожит или чего он сейчас боится. Поэтому Вам необходимо сохранять зрительный контакт с ребенком. Взрослый во время чтения или рассказа должен стоять

или сидеть перед детьми так, чтобы они могли видеть его лицо, наблюдать за мимикой, выражением глаз, жестами, так как эти формы проявления чувств дополняют и усиливают впечатления от прочтения. В процессе чтения детям нужно периодически давать возможность говорить о своих ощущениях, для этого Вы можете задавать ребенку вопросы:

1. Какие чувства ты испытываешь?
2. Как ты думаешь, что случилось дальше?
3. Почему так произошло?
4. Как нужно было поступить главному или второстепенному герою?
5. Как бы ты закончил эту сказку?

Эти и другие вопросы помогут ребенку осознать смысл услышанного, понять свое отношение к героям, но иногда можно попросить ребенка просто молча «слушать себя».

Читайте ребёнку вслух каждый день, сделайте из этого любимый семейный ритуал. Не уговаривайте послушать, а «соблазняйте» его. Полезная уловка: позвольте ребёнку самому выбирать книги. Не заменяйте живое чтение «сухими безжизненными» аудиокнигами. Помните: ребенок не может быть все время пассивным слушателем, поэтому во время чтения надо активизировать его внимание! Пусть он за вами повторяет слова, отвечает на вопросы, рассматривает иллюстрации. Дети это очень любят. Можно предложить ребёнку вместе (хором) рассказывать. Чтение должно проходить в спокойной обстановке, когда ничто не отвлекает ребенка, и окружающие относятся к его занятиям «уважительно».

Кстати, поучительные сказочные истории, обладающие лечебным эффектом, можно сочинять самим или вместе со своими непоседами. Благодаря сказкам его психика окрепнет и в дальнейшем, он сможет справляться с трудностями взрослой жизни. Ну и, конечно же, это, прежде всего, ваше совместное время, которое вы проводите только друг с другом, не отвлекаясь на посторонние вещи.

Ганс Христиан Андерсен

Дюймовочка

Жила на свете одна женщина. У нее не было детей, а ей очень хотелось ребеночка. Вот пошла она к старой колдунье и говорит:

— Мне так хочется, чтоб у меня была дочка, хоть самая маленькая!..

— Чего же проще! — ответила колдунья. — Вот тебе ячменное зерно. Это зерно не простое, не из тех, что зреют у вас на полях и рождаются птице на корм. Возьми-ка его да посади в цветочный горшок. Увидишь, что будет.

— Спасибо тебе! — сказала женщина и дала колдунье двенадцать медяков.

Потом она пошла домой и посадила ячменное зернышко в цветочный горшок.

Только она его полила, зернышко сразу же проросло. Из земли показались два листочка и нежный стебель. А на стебле появился большой чудесный цветок, вроде тюльпана. Но лепестки цветка были плотно сжаты: он еще не распустился.

— Какой прелестный цветок! — сказала женщина и поцеловала красивые пестрые лепестки.

В ту же минуту в сердцевине цветка что-то щелкнуло, и он раскрылся. Это был в самом деле большой тюльпан, но в чашечке его сидела живая девочка. Она была маленькая-маленькая, всего в дюйм ростом. Поэтому ее так и прозвали — Дюймовочка.

Колыбельку для Дюймовочки сделали из блестящей лакированной скорлупки грецкого ореха. Вместо перинки туда положили несколько фиалок, а вместо одеяльца — лепесток розы. В эту колыбельку девочку укладывали на ночь, а днем она играла на столе.

Посередине стола женщина поставила глубокую тарелку с водой, а по краю тарелки разложила цветы. Длинные стебельки их купались в воде, и цветы долго оставались свежими и душистыми.

Для маленькой Дюймовочки тарелка с водой была целым озером, и она плавала по этому озеру на лепестке тюльпана, как на лодочке. Вместо весел у нее были два белых конских волоса. Дюймовочка целые дни каталась на своей чудесной лодочке, переплывала с одной стороны тарелки на другую и распевала песни. Такого нежного голоса, как у нее, никто никогда не слышал.

Однажды ночью, когда Дюймовочка спала в своей колыбельке, через открытое окно в комнату пробралась большущая старая жаба, мокрая и безобразная. С подоконника она прыгнула на стол и заглянула в скорлупку, где спала под лепестком розы Дюймовочка.

— Как хороша! — сказала старая жаба. — Славная невеста будет моему сыну!

Она схватила ореховую скорлупку с девочкой и выпрыгнула через окно в сад.

Возле сада протекала речка, а под самым ее берегом было топкое болотце. Здесь-то, в болотной тине, и жила старая жаба со своим сыном. Сын был тоже мокрый и безобразный — точь-в-точь мамаша!

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог он сказать, когда увидел маленькую девочку в ореховой скорлупке.

— Тише ты! Еще разбудишь, чего доброго, и она убежит от нас, — сказала старая жаба. — Ведь она легче перышка. Давай-ка отнесем ее на середину реки и посадим там на лист кувшинки — для такой крошки это целый остров. Оттуда уж ей ни за что не убежать. А я тем временем устрою для вас в тине уютное гнездышко.

В реке росло много кувшинок. Их широкие зеленые листья плавали по воде. Самый большой лист был дальше всех от берега! Жаба подплыла к этому листу и поставила на него ореховую скорлупку, в которой спала девочка.

Ах, как испугалась бедная Дюймовочка, проснувшись поутру! Да и как было не испугаться! Со всех сторон ее окружала вода, а берег чуть виднелся вдали. Дюймовочка закрыла глаза руками и горько заплакала.

А старая жаба сидела в тине и украшала свой дом камышом и желтыми кувшинками, — она хотела угодить молодой невестке. Когда все было готово, она подплыла со своим гадким сынком к листу, на котором сидела Дюймовочка, чтобы взять ее кроватку и перенести к себе в дом.

Сладко улыбнувшись, старая жаба низко присела в воде перед девочкой и сказала:

— Вот мой сынок! Он будет твоим мужем! Вы славно заживете с ним у нас в тине.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог сказать сынок.

Жабы взяли скорлупку и уплыли с ней. А Дюймовочка все стояла одна посреди реки на большом зеленом листе кувшинки и горько-горько плакала — ей вовсе не хотелось жить у гадкой жабы и выходить замуж за ее противного сына.

Маленькие рыбки, которые плавали под водой, услышали, что сказала старуха жаба. Жениха с матушкой они видели и раньше. Теперь они высунули из воды головы, чтобы поглядеть на невесту.

Взглянув на Дюймовочку своими круглыми глазками, они ушли на самое дно и стали думать, что же теперь делать. Им было ужасно жалко, что такой миленькой маленькой девочке придется жить вместе с этими отвратительными жабами где-нибудь под корягой в густой жирной тине. Не бывать же этому! Рыбки со всей речки собрались у листа кувшинки, на котором сидела Дюймовочка, и перегрызли стебелек листа.

И вот лист кувшинки поплыл по течению. Течение было сильное, и лист плыл очень быстро. Теперь-то уж старая жаба никак не могла бы догнать Дюймовочку.

Дюймовочка плыла все дальше и дальше, а маленькие птички, которые сидели в кустах, смотрели на нее и пели:

— Какая миленькая маленькая девочка!

Легкий белый мотылек все кружился над Дюймовочкой и наконец опустился на лист — уж очень ему понравилась эта крошечная путешественница.

А Дюймовочка сняла свой шелковый пояс, один конец набросила на мотылька, другой привязала к листу, и листок поплыл еще быстрее. В это время мимо пролетал майский жук. Он увидел Дюймовочку, схватил ее и унес на дерево. Зеленый лист кувшинки поплыл без нее дальше и скоро скрылся из виду, а с ним вместе и мотылек: ведь он был крепко привязан к листу шелковым поясом.

Как испугалась бедная Дюймовочка, когда рогатый жук обхватил ее лапками и взвился с ней высоко в воздух! Да и белого мотылька ей было очень жалко. Что-то с ним теперь будет? Ведь он умрет с голоду, если ему не удастся освободиться.

А майскому жуку и горя мало. Он уселся на ветке большого дерева, усадил рядом Дюймовочку и сказал ей, что она ему очень нравится, хоть и совсем не похожа на майских жуков.

Потом к ним пришли в гости другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они с любопытством разглядывали Дюймовочку, а их дочери в недоумении разводили крылышками.

— У нее только две ножки! — говорили одни.

— У нее даже нет щупалец! — говорили другие.

— Какая она слабенькая, тоненькая! Того и гляди, переломится пополам, — говорили третьи.

— Очень на человека похожа, и к тому же некрасивая, — решили наконец все жуки.

Даже майскому жуку, который принес Дюймовочку, показалось теперь, что она совсем нехороша, и он решил с ней распрощаться — пусть идет куда знает. Он слетел с Дюймовочкой вниз и посадил ее на ромашку.

Дюймовочка сидела на цветке и плакала: ей было грустно, что она такая некрасивая. Даже майские жуки прогнали ее!

А на самом деле она была премиленькая. Пожалуй, лучше ее и на свете-то никого не было.

Все лето прожила Дюймовочка одна-одинешенька в большом лесу. Она сплела себе из травы колыбельку и подвесила ее под большим листом лопуха, чтобы укрываться от дождя и от солнышка. Она ела сладкий цветочный мед и пила росу, которую каждое утро находила на листьях.

Так прошло лето, прошла и осень. Близилась долгая холодная зима. Птицы улетели, цветы завяли, а большой лист лопуха, под которым жила Дюймовочка, пожелтел, засох и свернулся в трубку.

Холод пробирал Дюймовочку насквозь. Платице ее все изорвалось, а она была такая маленькая, нежная — как тут не мерзнуть! Пошел снег, и каждая снежинка была для Дюймовочки то же, что для нас целая лопата снега. Мы-то ведь большие, а она была ростом всего-навсего с дюйм. Она завернулась было в сухой лист, но он совсем не грел, и бедняжка сама дрожала, как осенний листок на ветру.

Тогда Дюймовочка решила уйти из лесу и поискать себе приют на зиму.

За лесом, в котором она жила, было большое поле. Хлеб с поля уже давно убрали, и только короткие сухие стебельки торчали из мерзлой земли.

В поле было еще холоднее, чем в лесу, и Дюймовочка совсем замерзла, пока пробиралась между высохшими жесткими стеблями.

Наконец она добрела до норки полевой мыши. Вход в норку был заботливо прикрыт травинками и былинками.

Полевая мышь жила в тепле и довольстве: кухня и кладовая у нее были битком набиты хлебными зернами. Дюймовочка, как нищенка, остановилась у порога и попросила подать ей хоть кусочек ячменного зерна — вот уже два дня во рту у нее не было ни крошки.

— Ах ты, бедняжка! — сказала полевая мышь (она была, в сущности, добрая старуха). Ну иди сюда, погрейся да поешь со мною!

И Дюймовочка спустилась в норку, обогрелась и поела.

— Ты мне нравится, — сказала ей мышь, поглядев на нее блестящими, как бисер, черными глазками. — Оставайся-ка у меня на зиму. Я буду кормить тебя, а ты прибирай хорошенько мой дом да рассказывай мне сказки — я до них большая охотница.

И Дюймовочка осталась.

Она делала все, что приказывала ей старая мышь, и жилось ей совсем неплохо в теплой укромной норке.

— Скоро у нас будут гости, — сказала ей однажды полевая мышь. — Раз в неделю меня приходит навестить мой сосед. Он очень богат и живет куда лучше меня. У него большой дом под землей, а шубу он носит такую, какой ты, верно, и не видывала, — великолепную черную шубу! Выходи, девочка, за него замуж! С ним не пропадешь! Одна беда: он слеп и не разглядит, какая ты хорошенькая. Ну, уж ты зато расскажешь ему самую лучшую сказку, какую только знаешь.

Но Дюймовочке вовсе не хотелось выходить замуж за богатого соседа: ведь это был крот — угрюмый подземный житель.

Вскоре сосед и в самом деле пришел к ним в гости.

Правда, шубу он носил очень нарядную — из темного бархата. К тому же, по словам полевой мыши, он был ученый и очень богатый, а дом его был чуть ли не в двадцать раз больше, чем у мыши. Но он терпеть не мог солнца и ругал все цветы. Да и немудрено! Ведь он никогда в жизни не видел ни одного цветка.

Хозяйка-мышь заставила Дюймовочку спеть для дорогого гостя, и девочка волей-неволей спела две песенки, да так хорошо, что крот пришел в восхищение. Но он не сказал ни слова — он был такой важный, степенный, неразговорчивый...

Побывав в гостях у соседки, крот прорыл под землей длинный коридор от своего дома до самой норки полевой мыши и пригласил старушку вместе с приемной дочкой прогуляться по этой подземной галерее.

Он взял в рот гнилушку — в темноте гнилушка светит не хуже свечки — и пошел вперед, освещая дорогу.

На полпути крот остановился и сказал:

— Здесь лежит какая-то птица. Но нам её нечего бояться — она мёртвая. Да вот можете сами поглядеть.

И крот стал тыкаться своим широким носом в потолок, пока не прорыл в нем дыру. Дневной свет проник в подземный ход, и Дюймовочка увидела мёртвую ласточку.

Должно быть, бедная птичка погибла от холода. Ее крылья были крепко прижаты к телу, ножки и голова спрятаны в перышки.

Дюймовочке стало очень жалко её. Она так любила этих весёлых легкокрылых птичек — ведь они целое лето пели ей чудесные песни и учили ее петь. Но крот толкнул ласточку своими короткими лапами и проворчал:

— Что, небось притихла? Не свистишь больше? Вот то-то и есть!.. Да, не хотел бы я быть этакой пичужкой. Только и умеют носиться в воздухе да щебетать. А придет зима — что им делать? Помирай, и все тут. Нет уж, моим детям не придется пропадать зимой от голода и холода.

— Да, да, — сказала полевая мышь. — Какой прок от этого чириканья и щебета? Песнями сыт не будешь, чириканьем зимой не согреешься!

Дюймовочка молчала. Но когда крот и мышь повернулись к птице спиной, она нагнулась к ласточке, раздвинула перышки и поцеловала ее прямо в закрытые глаза.

“Может быть, это та самая ласточка, которая так чудесно пела летом, — подумала девочка. — Сколько радости принесла ты мне, милая ласточка!”

А крот тем временем снова заделал дыру в потолке. Потом, подобрав гнилушку, он проводил домой старуху мышь и Дюймовочку.

Ночью Дюймовочке не спалось. Она встала с постели, сплела из сухих былинков большой ковёр и, пробравшись в подземную галерею, прикрыла им мертвую птичку. Потом она отыскала в кладовой у полевой мыши теплого пуху, сухого мха и устроила для ласточки что-то вроде гнездышка, чтобы ей не так жестко и холодно было лежать на мерзлой земле.

— Прощай, милая ласточка, — сказала Дюймовочка. — Прощай! Спасибо тебе за то, что ты пела мне свои чудесные песни летом, когда деревья были еще зелёные, а солнышко так славно грело.

И она прижалась головой к шелковистым перышкам на груди у птички.

И вдруг она услышала, что в груди у ласточки что-то мерно застучало: “Стук! Стук!” — сначала тихо, а потом громче и громче. Это забилося сердце ласточки. Ласточка была не мертвая — она только окоченела от холода, а теперь согрелась и ожила.

На зиму стаи ласточек всегда улетают в теплые края. Осень еще не успела сорвать с деревьев зеленый наряд, а крылатые путницы уже собираются в дальнюю дорогу. Если же какая-нибудь из них отстанет или запоздает, колючий ветер миглом оледенит ее легкое тело. Она окоченеет, упадет на землю замертво, и ее занесет холодным снегом.

Так случилось и с этой ласточкой, которую отогрела Дюймовочка.

Когда девочка поняла, что птица жива, она и обрадовалась и испугалась. Еще бы не испугаться! Ведь рядом с ней ласточка казалась такой огромной птицей.

Но все-таки Дюймовочка собралась с духом, потеплее укрыла ласточку своим плетёным ковром, а потом сбегала домой, принесла листочек мяты, которым сама укрывалась вместо одеяла, и укутала им голову птицы.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к ласточке. Птица уже совсем ожила, но была еще очень слаба и еле-еле открыла глаза, чтобы посмотреть на девочку.

Дюймовочка стояла перед нею с куском гнилушки в руках — другого фонаря у неё не было.

— Спасибо тебе, милая крошка! — сказала больная ласточка. — Я так хорошо согрелась! Скоро я совсем поправлюсь и опять вылечу на солнышко.

— Ах, — сказала Дюймовочка, — теперь так холодно, идет снег! Остайся лучше в своей тёплой постельке, а я буду ухаживать за тобой.

И она принесла ласточке ячменных зернышек и воды в цветочном лепестке. Ласточка попила, поела, а потом рассказала девочке, как она поранила себе крыло о терновый куст и не могла улететь вместе с другими ласточками в теплые края. Пришла зима, стало очень холодно, и она упала на землю... Больше уже ласточка ничего не помнила. Она даже не знала, как попала сюда, в это подземелье.

Всю зиму прожила ласточка в подземной галерее, а Дюймовочка ухаживала за ней, кормила и поила её. Ни кроту, ни полевой мыши она не сказала об этом ни слова — ведь оба они совсем не любили птиц.

Когда настала весна и пригрело солнышко, Дюймовочка открыла то окошко, которое проделал в потолке крот, и тёплый солнечный луч проскользнул под землю.

Ласточка простилась с девочкой, расправила крылышки, но прежде, чем вылететь, спросила, не хочет ли Дюймовочка выбраться вместе с ней на волю. Пусть сядет к ней на спину, и они полетят в зелёный лес.

Но Дюймовочке было жалко бросить старую полевую мышь — она знала, что старушке будет очень скучно без неё.

— Нет, мне нельзя! — сказала она, вздыхая.

— Ну что ж, прощай! Прощай, милая девочка! — прощепетала ласточка.

Дюймовочка долго глядела ей вслед, и слезы капали у нее из глаз — ей тоже хотелось на простор да и грустно было расставаться с ласточкой.

-Тви-вить, тви-вить! — крикнула в последний раз ласточка и скрылась в зеленом лесу.

А Дюймовочка осталась в мышьиной норе.

С каждым днём ей жилось все хуже, все скучнее. Старая мышь не позволяла ей уходить далеко от дома, а поле вокруг норки заросло высокими толстыми колосьями и казалось Дюймовочке дремучим лесом.

И вот однажды старуха мышь сказала Дюймовочке:

— Наш сосед, старый крот, приходил свататься к тебе. Теперь тебе нужно готовить приданое. Ты выходишь замуж за важную особу, и надо, чтоб у тебя всего было вдоволь.

И Дюймовочке пришлось по целым дням пряхсть пряжу.

Старуха мышь наняла четырех пауков. Они днем и ночью сидели по углам мышьиной норки и втихомолку делали свое дело — ткали разные ткани и плели кружева из самой тонкой паутины.

А слепой крот приходил каждый вечер в гости и болтал о том, что скоро лету будет конец, солнце перестанет палить землю и она снова сделается мягкой и рыхлой. Вот тогда-то они и сыграют свадьбу. Но Дюймовочка все грустила и плакала: она совсем не хотела выходить замуж, да еще за толстого слепого крота.

Каждое утро, на восходе солнца, и каждый вечер, на закате, Дюймовочка выходила за порог мышьиной норки. Иногда весёлый ветерок раздвигал верхушки колосьев, и девочке удавалось увидеть кусочек голубого неба.

“Как светло, как хорошо тут на воле!” — думала Дюймовочка и все вспоминала о ласточке. Ей очень хотелось бы повидаться с птичкой, но ласточка не показывалась над полем. Должно быть, она вилась и носилась далеко-далеко там, в зеленом лесу над голубой рекой...

И вот наступила осень. Приданое для Дюймовочки было готово.

— Через четыре недели твоя свадьба! — сказала Дюймовочке полевая мышь.

Но Дюймовочка заплакала и ответила, что не хочет выходить замуж за скучного крота.

Старуха мышь рассердилась.

— Пустяки! — сказала она. — Не упрямься, а не то попробуешь моих зубов. Чем тебе крот не муж? Одна шуба чего стоит! У самого короля нет такой шубы! Да и в погребах у него не пусто. Благодарю судьбу за такого мужа!

Наконец настал день свадьбы, и крот пришёл за своей невестой. Значит, ей всё-таки придется идти с ним в его темную нору, жить там, глубоко-глубоко под землей, и никогда не видеть ни белого света, ни ясного солнышка — ведь крот их терпеть не может?! А бедной Дюймовочке было так тяжело распрощаться навсегда с высоким небом и красным солнышком! У полевой мыши она могла хоть издали, с порога норки, любоваться ими.

И вот она вышла взглянуть на белый свет в последний раз. Хлеб был уже убран с поля, и опять из земли торчали одни голые, засохшие стебли. Девочка отошла подальше от мышиной норки и протянула к солнцу руки:

— Прощай, солнышко, прощай! Потом она увидела маленький красный цветочек, обняла его и сказала:

— Милый цветочек, если увидишь ласточку, передай ей поклон от Дюймовочки.

— Тви-вить, тви-вить! — вдруг раздалось у нее над головой.

Дюймовочка подняла голову и увидела ласточку, которая пролетала над полем. Ласточка тоже увидела девочку и очень обрадовалась. Она опустилась на землю, и Дюймовочка, плача, рассказала своей подруге, как ей не хочется выходить замуж за старого угрюмого крота и жить с ним глубоко под землёй, куда никогда не заглядывает солнце.

— Уже наступает холодная зима, — сказала ласточка, — и я улетаю далеко-далеко, в дальние страны. Хочешь лететь со мной? Садись ко мне на спину, только привяжи себя крепче поясом, и мы улетим с тобой от гадкого крота, улетим далеко, за синие моря, в теплые края, где солнышко светит ярче, где стоит вечное лето и всегда цветут цветы. Полетим со мной, милая крошка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в темной холодной яме.

— Да, да, я полечу с тобой! — сказала Дюймовочка. Она села ласточке на спину и крепко привязала себя поясом к самому большому и крепкому перу.

Ласточка стрелой взвилась к небу и полетела над темными лесами, над синими морями и высокими горами, покрытыми снегом. Тут было очень холодно, и Дюймовочка вся зарылась в теплые перья ласточки и высунула только голову, чтобы любоваться прекрасными местами, над которыми они пролетали.

Вот наконец и теплые края! Солнце сияло тут гораздо ярче, чем у нас, небо было выше, а вдоль изгородей вился кудрявый зеленый виноград. В рощах поспевали апельсины и лимоны, а по дорожкам бегали веселые дети и ловили больших пестрых бабочек.

Но ласточка летела дальше и дальше. На берегу прозрачного голубого озера посреди раскидистых деревьев стоял старинный белый мраморный дворец. Виноградные лозы обвивали его высокие колонны, а наверху, под крышей, лепились птичьи гнезда. В одном из них и жила ласточка.

— Вот мой дом! — сказала она. — А ты выбери себе самый красивый цветок. Я посажу тебя в его чашечку, и ты отлично заживешь.

Дюймовочка обрадовалась и от радости захлопала в ладоши.

Внизу, в траве, лежали куски белого мрамора — это свалилась верхушка одной колонны и разбилась на три части. Между мраморными обломками росли крупные белые как снег цветы.

Ласточка спустилась и посадила девочку на широкий лепесток. Но что за чудо? В чашечке цветка оказался маленький человечек, такой светлый и прозрачный, словно он был из хрусталя или утренней росы. За плечами у него дрожали легкие крылышки, на голове блестела маленькая золотая корона, а ростом он был не больше нашей Дюймовочки. Это был король эльфов.

Когда ласточка подлетела к цветку, эльф не на шутку перепугался. Ведь он был такой маленький, а ласточка такая большая!

Зато как же он обрадовался, когда ласточка улетела, оставив в цветке Дюймовочку! Никогда еще он не видал такой красивой девочки одного с ним роста. Он низко поклонился ей и спросил, как ее зовут.

— Дюймовочка! — ответила девочка.

— Милая Дюймовочка, — сказал эльф, — согласна ли ты быть моей женой, королевой цветов?

Дюймовочка поглядела на красивого эльфа. Ах, он был совсем не похож на глупого, грязного сынка старой жабы и на слепого крота в бархатной шубе! И она сразу согласилась.

Тогда из каждого цветка, перегоняя друг друга, вылетели эльфы. Они окружили Дюймовочку и одарили ее чудесными подарками.

Но больше всех других подарков понравились Дюймовочке крылья — пара прозрачных легких крылышек. совсем как у стрекозы. Их привязали Дюймовочке за плечами, и она тоже могла теперь летать с цветка на цветок. То-то была радость!

— Тебя больше не будут звать Дюймовочкой. У нас, эльфов, другие имена, — сказал Дюймовочке король. — Мы будем называть тебя Майей!

И все эльфы закружились над цветами в веселом хороводе, сами легкие и яркие, как лепестки цветов.

А ласточка сидела наверху в своем гнезде и распевала песни, как умела.

Всю теплую зиму эльфы плясали под ее песни. А когда в холодные страны пришла весна, ласточка стала собираться на родину.

— Прощай, прощай! — прощебетала она своей маленькой подруге и полетела через моря, горы и леса домой, в Данию.

Там у нее было маленькое гнездышко, как раз над окном человека, который умел хорошо рассказывать сказки. Ласточка рассказала ему про Дюймовочку, а от него и мы узнали эту историю.

Шарль Перро

Золушка

Давным-давно жила-была одна счастливая семья: отец, мать и их единственная дочка, которую родители очень любили. Много лет жили они беззаботно и радостно.

К несчастью, однажды осенью, когда девочке исполнилось шестнадцать лет, ее мать тяжело заболела и через неделю умерла. В доме воцарилась глубокая печаль.

Прошло два года. Отец девочки познакомился с одной вдовой, у которой были две дочки, и вскоре женился на ней.

С первого дня мачеха возненавидела свою падчерицу. Она заставляла ее делать всю работу по дому и не давала ни минуты покоя. То и дело слышалось:

- А ну, пошевеливайся, лентяйка, принеси-ка воды!
- Давай, бездельница, подмети пол!
- Ну, чего ждешь, грязнуля, подкинь дров в камин!

От грязной работы девочка и в самом деле всегда была выпачкана в золе и пыли. Вскоре все, даже отец, стали называть ее Золушкой, да и она сама позабыла свое имя.

Сводные сестры Золушки не отличались характером от своей злой и ворчливой матери. Завидуя красоте девушки, они заставляли ее прислуживать им и все время придирались к ней.

Однажды по округе разнесся слух, что молодой принц, скучая в одиночестве в своем большом дворце, собирается устроить бал, да не один, а несколько дней подряд.

– Ну, мои дорогие, – сказала мачеха своим некрасивым дочкам, – наконец-то судьба вам улыбнулась. Мы едем на бал. Я уверена, что одна из вас обязательно понравится принцу и он захочет жениться на ней.

- А как же другая? – в один голос спросили сестры.

– Не волнуйтесь, для другой мы найдем какого-нибудь министра.

Сестры не могли нарадоваться. В день бала они ни на шаг не отходили от зеркала, примеряя наряды. Наконец вечером, разряженные и расфуфыренные, они уселись в карету и поехали во дворец. Но перед отъездом мачеха строго сказала Золушке:

— И не думай, что ты будешь бездельничать, пока нас не будет дома. Я найду для тебя работу.

Она огляделась по сторонам. На столе, около большой тыквы, стояли две тарелки: одна с просом, другая с маком. Мачеха высыпала просо в тарелку с маком и перемешала.

– А вот тебе и занятие на всю ночь: отдели просо от мака.

Золушка осталась одна. Впервые за все время она заплакала от обиды и отчаяния. Как же перебрать все это и отделить просо от мака? И как не плакать, когда все девушки развлекаются сегодня на балу во дворце, а она сидит здесь, в лохмотьях, одна-одинешенька?

Вдруг комната озарилась светом, и появилась красавица в белом платье и с хрустальной палочкой в руке.

– Тебе хотелось бы на бал, правда?

– Ах, да! – со вздохом ответила Золушка.

– Не печалься, Золушка, – сказала она, – я добрая фея. Сейчас придумаем, как помочь твоей беде.

С этими словами она коснулась палочкой тарелки, что стояла на столе. В одно мгновение просо отделилось от мака.

– Обещаешь быть во всём послушной? Тогда я помогу тебе поехать на бал. – Волшебница обняла Золушку и сказала ей: – Ступай в огород и принеси мне тыкву.

Золушка побежала в огород, выбрала самую лучшую тыкву и отнесла её волшебнице, хотя никак не могла понять, каким это образом тыква поможет ей попасть на бал.

Волшебница выдолбила тыкву до самой корки, потом прикоснулась к ней волшебной палочкой, и тыква мигом превратилась в золочёную карету.

Потом волшебница заглянула в мышеловку и увидела, что там сидят шесть живых мышей.

Она велела Золушке приоткрыть дверцу мышеловки. Каждую мышь, которая выскакивала оттуда, она трогала волшебной палочкой, и мышка сейчас же превращалась в красивого коня.

И вот вместо шести мышей появилась превосходная упряжка из шести лошадей мышиной масти в яблоках.

Волшебница задумалась:

– Откуда бы взять кучера?

– Пойду посмотрю, не попала ли в крысоловку крыса, – сказала Золушка. – Из крысы можно сделать кучера.

– Верно! – согласилась волшебница. – Пойди посмотри.

Золушка принесла крысоловку, где сидели три большие крысы.

Волшебница выбрала одну, самую крупную и усатую, тронула её своей палочкой, и крыса превратилась в толстого кучера с пышными усами.

Тогда волшебница сказала Золушке:

– В саду, за лейкой, сидят шесть ящериц. Пойди принеси их мне.

Не успела Золушка принести ящериц, как волшебница превратила их в шестерых слуг, одетых в расшитые золотом ливреи. Они так ловко вскочили на запятки кареты, как будто всю жизнь ничем другим не занимались.

– Ну вот, теперь можешь ехать на бал, – сказала волшебница Золушке.

– Довольна ты?

– Конечно! Только как же я поеду в таком гадком платье?

Волшебница коснулась Золушки своей палочкой, и старое платье мигом превратилось в наряд из золотой и серебряной парчи, богато расшитой драгоценными камнями.

В придачу волшебница подарила ей пару хрустальных туфельек. Свет не видел ещё таких красивых туфельек!

– Поезжай на бал, моя милая! Ты это заслужила! – воскликнула фея. – Но помни, Золушка, ровно в полночь сила моих чар кончится: твое платье снова превратится в лохмотья, а карета – в обыкновенную тыкву. Помни об этом!

Золушка обещала волшебнице уехать из дворца до полуночи и, сияя от счастья, отправилась на бал.

Королевскому сыну доложили, что прибыла неизвестная, очень важная принцесса. Он поспешил ей навстречу, помог выйти из кареты и повёл в зал, где уже собрались гости.

Когда Золушка, разодетая как принцесса, вошла в бальный зал, все замолчали и посмотрели в сторону незнакомой красавицы.

– Это еще кто такая? – недовольно спрашивали Золушкины сводные сестры.

В зале сразу наступила тишина: гости перестали танцевать, скрипачи перестали играть – так все были поражены красотой незнакомой принцессы.

– Какая красавица! – шептались кругом.

Даже сам старик король не мог на неё наглядеться и всё твердил на ухо королеве, что давно не видел такой красивой и милой девушки.

А дамы внимательно рассматривали её наряд, чтобы завтра же заказать себе точь в точь такой, только боялись, что не найдут достаточно богатых материй и достаточно искусных мастериц.

Принц проводил её на самое почётное место и пригласил танцевать. Танцевала она так хорошо, что все ещё больше залюбовались ею.

Вскоре подали разные сласти и фрукты. Но принц и не притронулся к лакомствам – так он был занят прекрасной принцессой.

А она подошла к своим сёстрам, приветливо заговорила с ними и поделилась апельсинами, которыми угощал её принц.

Сёстры очень удивились такой любезности со стороны незнакомой принцессы.

Но время неумолимо летело вперед. Помня слова доброй феи, Золушка все время поглядывала на часы. Без пяти двенадцать девушка неожиданно прекратила танцевать и выбежала из дворца. У крыльца ее уже ждала золотая карета. Лошади радостно заржали и повезли Золушку домой.

Вернувшись домой, она прежде всего побежала к доброй волшебнице, поблагодарила её и сказала, что хотела бы завтра опять попасть на бал – принц очень просил её приехать.

В то время, как она рассказывала волшебнице обо всём, что происходило на балу, раздался стук в дверь – это приехали сёстры. Золушка пошла им отворять.

– Долго же вы пробыли на балу! – сказала она, протирая глаза и потягиваясь, как будто только что проснулась.

На самом деле, с тех пор как они расстались, ей совсем не хотелось спать.

– Побывала бы ты на балу, – сказала одна из сестёр, – тебе бы некогда было скучать. Туда приехала принцесса – да какая красивая! Красивей её никого на свете нет. С нами она была очень любезна, угощала нас апельсинами.

Золушка вся задрожала от радости. Она спросила, как зовут принцессу, но сёстры ответили, что никто её не знает и принц очень этим огорчён. Он что угодно отдал бы, лишь бы узнать, кто она такая.

– Наверно, она очень красивая! – улыбаясь, сказала Золушка. – И счастливицы же вы! Как бы мне хотелось хоть одним глазком посмотреть на неё!.. Милая сестрица, пожалуйста, одолжите мне ваше жёлтое домашнее платье.

– Вот ещё выдумала! – отвечала старшая сестра. – Чтоб я дала своё платье такой замарашке? Да ни за что на свете!

Золушка так и знала, что сестра откажет ей, и даже обрадовалась – что бы она делала, если бы сестрица согласилась дать ей свой платье!

– Ты сделала то, что я тебе велела? – сурово спросила мачеха.

Каково же было удивление злой мачехи и ее дочек, когда они увидели, что в доме все сверкает чистотой, а мак отделен от проса!

На следующий вечер мачеха и Золушкины сводные сестры снова собрались на бал.

– На этот раз у тебя будет больше работы, – сказала мачеха, – вот тебе мешок гороха, перемешанного с фасолью. Отдели горох от фасоли к нашему приезду, а не то плохо тебе придется!

И снова Золушка осталась одна. Но через минуту комната вновь озарилась чудесным светом.

– Не будем терять времени, – сказала добрая фея, – нужно скорее собираться на бал, Золушка. – Одним взмахом волшебной палочки фея отделила горох от фасоли.

Золушка поехала на бал и была ещё наряднее, чем в первый раз. Принц не отходил от неё и нашёптывал ей всякие любезности.

Но на этот раз Золушка, увлеченная красавцем-принцем, совсем забыла о времени. Музыка, танцы и счастье унесли ее в заоблачные дали.

Золушке было очень весело, и она совсем позабыла о том, что приказывала ей волшебница. Она думала, что нет ещё и одиннадцати часов, как вдруг часы стали бить полночь.

Неужели на самом деле уже полночь? Но часы неумолимо пробили двенадцать раз.

Опомнившись, Золушка вырвала свою руку из руки принца и поспешила из дворца. Принц бросился догонять ее. Но алые туфельки быстрее молнии мелькали по ступеням широкой дворцовой лестницы. Принц не успел догнать девушку. Он услышал лишь, как хлопнула дверца и закрипели колеса отъезжавшей кареты.

Опечаленный, стоял он наверху лестницы и уже собрался уходить, как вдруг заметил что-то внизу. Это была туфелька, которую потеряла прекрасная незнакомка.

Юноша осторожно, как какую-то драгоценность, поднял ее и прижал к груди. Он найдет таинственную принцессу, даже если ему придется искать ее всю жизнь!

Он расспросил стражу у ворот, не видел ли кто, куда уехала принцесса. Стражники ответили, что видели только, как из дворца выбежала бедно одетая девушка, больше похожая на крестьянку, чем на принцессу.

Золушка побежала домой запыхавшись, без кареты, без слуг, в своём стареньком платье. От всей роскоши у неё осталась только одна хрустальная туфелька.

Когда почти на рассвете Золушка вернулась домой, мачеха и сводные сестры уже успели приехать с бала.

– Где ты была? Опять бездельничала? – недовольно спросили они.

Но тут лицо мачехи перекосилось от злости. В углу кухни она увидела два мешка с горохом и с фасолью – её задание было выполнено.

Золушка спросила сестер, было ли им так же весело, как вчера, и приезжала ли опять прекрасная принцесса.

Сёстры ответили, что приезжала, но только когда часы начали бить полночь, она бросилась бежать – да так поспешно, что уронила с ноги красивую хрустальную туфельку. Принц поднял туфельку и до конца бала не сводил с неё глаз. По всему видно, что он влюблён в прекрасную принцессу – владелицу туфельки.

После исчезновения красавицы принц перестал давать балы во дворце, и по всей округе разнесся слух, что он по всему королевству ищет ту самую таинственную красавицу, что два раза появлялась на балу, но оба раза исчезала ровно в полночь. Было также известно, что принц женится на девушке, которой алая туфелька придется впору.

Сначала туфельку примеряли принцессам, потом герцогиням, потом всем придворным дамам подряд. Но она не годилась никому.

В скором времени принц со своей свитой пожаловал в дом, где жила Золушка. Сводные сестры бросились примерять туфельку. Но изящная туфелька ни за что не хотела налезать на их большие ноги. Принц уже хотел уйти, когда вдруг отец Золушки сказал:

– Подождите, ваше высочество, у нас есть еще одна дочка!

В глазах принца блеснула надежда.

– Не слушайте его, ваше высочество, – тут же вмешалась мачеха. – Какая же это дочка? Это наша служанка, вечная замарашка.

Принц с грустью взглянул на грязную, одетую в лохмотья девушку и вздохнул.

– Что ж, каждая девушка в моем королевстве должна примерить туфельку.

Золушка сняла грубый башмак и без труда надела туфельку на свою изящную ножку. Та пришлась ей в самый раз.

Сёстры очень удивились. Но каково же было их изумление, когда Золушка достала из кармана вторую такую же туфельку и надела её на другую ногу!

Принц внимательно посмотрел в глаза девушке в лохмотьях и узнал ее.

– Так ты и есть моя прекрасная незнакомка!

Тут подросла добрая волшебница, коснулась своей палочкой старенького Золушкиного платья, и оно на глазах у всех превратилось в пышный наряд, ещё роскошнее прежних. Вот когда сёстры увидели, кто была прекрасная принцесса, которая приезжала на бал! Они бросились перед Золушкой на колени и стали просить прощения за то, что так дурно обращались с ней.

Золушка подняла сестёр, расцеловала и сказала, что прощает их и только просит, чтобы они всегда любили её.

Мачеха и ее дочки так и опешили. А в последующие дни у них было еще больше поводов для зависти.

Золушку в её роскошном наряде повезли во дворец к принцу. Она показалась ему ещё красивее, чем раньше. И несколько дней спустя он женился на ней, и устроил пышную свадьбу.

Во дворце был дан великолепный бал, на котором Золушка была в восхитительном наряде и танцевала с принцем до самой полуночи и даже дольше, ведь теперь чары доброй феи уже были не нужны.

Золушка была так же добра душой, как и прекрасна лицом. Она взяла сестёр к себе во дворец и в тот же день выдала их замуж за двух придворных вельмож.

И все жили долго и счастливо.

Русская народная сказка

Морозко

Жили-были на белом свете дед с женой и дочкой. Дружно жили, хорошо. Да вот только однажды жена умерла, и остался дед на белом свете один с дочкой. Долго ли, недолго горевал, а женился заново. Да вот только взял он в жены бабу сварливую и недобрую. У бабы той тоже дочка была, да только баба свою дочку все по головке гладила, а падчерицу невзлюбила.

Все хозяйство дедова дочка делала: и воду, и дрова в дом носила; и за скотиной ухаживала, поила-кормила ее и доила дважды в день; и дом мела, и печку топила, и еду готовила. А родная дочка только на печи валялась, да леденцы на палочке ела. Да только баба все равно не успокаивалась, и с каждым днем все больше на падчерицу бранилась. И решила она тогда дедову дочку со свету сжить.

Пристала к деду и говорит:

- Бери дед свою дочку, и вези ее с моих глаз подальше куда хочешь. Чтобы уши мои о ней больше никогда не слышали, а глаза никогда не видели! И не куда-нибудь к родным в теплый дом, а в глухой лес да на лютый мороз! А не то я и тебя самого со свету сживу!

Заплакал дед, а деваться ему некуда, вот посадил он родную дочку в сани в одном легком полушубке, и повез ее в глухой лес на лютый мороз. Приехал в чащу непроглядную, высадил дочку под деревом, поцеловал ее, развернул лошадь, да уехал поскорее, чтобы смерти родной кровинушки не видеть.

Бедная дочка под лапу еловую присела, платком дырявым запахнулась и замерла. А в это время рядом сам Морозко проходил. Увидел он: девица красная под елкой в сугробе сидит, замерзает, подобрался к ней недалеко, и говорит:

- Я, Морозко. Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Тепло дедушка Морозко, тепло миленький. –Отвечает дочка.

Тогда Морозко еще сильнее холоду напускает, с елки на елку перепрыгивает, ветками потрескивает.

-Ну а теперь тепло ли тебе девица? Тепло ли тебе, красная?

-Ой тепло, дедушка, тепло родненький. – отвечает девица посиневшими от холода губами.

Еще ближе Морозко подбирается, совсем холоду на бедняжечку напускает:

-И теперь тепло тебе, милая? Тепло, красавица?

- Тепло Морозушко, тепло. – отвечает дедова дочь, а сама уже и языком от холода еле шевелит.

Тут Морозко девушку пожалел, шубу теплую со своего плеча снял, да ее укутал.

Отогрел, а потом и спрашивает:

-Это кто ж тебя на лютую смерть в лес завез?

Заплакала тогда девушка, да и рассказала Морозке все про жизнь свою горькую. И как мачеха ее со свету сживала, а свою дочь в платки красные наряжала. Рассердился тогда Морозко, и сказал:

-Ты дочка, не грусти. За то, что ты все хозяйство вела, и столько натерпелась, я тебя награжу. И подарил он дедовой дочке сундуки с золотом, мехами собольими, да камнями драгоценными.

А дед в это время дома сидит, да дочку оплакивает. Сидел, сидел, да и не выдержал. И говорит старухе:

-Злая ты и глупая баба! И меня глупым сделала! До чего додумался: дочку родную в лес увез! Будь что будет, а дочку погубить не дам!

Собрался, сел в сани, да и поехал в лес спасать кровинушку. Летит, торопится. Приезжает, а дочка его под деревом сидит в шубе теплой, в платке пуховом, а перед ней стоят сундуки с сокровищами царскими, Морозко подаренными. Обрадовался дед, погрузил все сундуки в сани и повез дочку домой.

А дома старуха сидит, блины печет, поминки по падчерице справлять готовится. А под столом собачка сидит и тьякает:

-Тяв, тяв. Дедову дочку с подарками да золотом везут, а старухину дочку замуж не берут.

- Неправильно тьякаешь, скажи: старухину дочку замуж возьмут, а стариковой – одни косточки везут!

А собачка все свое:

-Тяв, тяв. Дедову дочку с подарками да золотом везут, а старухину дочку замуж не берут.

Тут ворота раскрылись и во двор сани въехали. Увидела старуха, что дедова дочка приехала живая – здоровая, да с подарками царскими. Узнала у падчерицы, что Морозко к ней приходил – и пристала к деду:

Скорее старик, запрягай лошадей, да вези мою дочку в лес к Морозко за подарками. Посади ее на то же место, куда и свою дуреху. Моя красавица вдвое больше богатства от Морозко получит. А сама надела дочку в тулуп теплый, укутала платками пуховыми и пирожков корзинку нагрнула.

Посадил дед старухину дочку в сани, отвез ее в лес, да и высадил на том месте, где дочку оставлял. А сам домой уехал.

Долго ли, коротко ли, а идет по лесу Морозко. Видит: сидит под деревом укутанная бабкина дочка, да пирожки за обе щеки уплетает. Подобрался Морозко к ней поближе, и говорит:

- Я Морозко. Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

- Да ты что, дед! Холодно, конечно.

Морозко от слов таких сам дар речи потерял, и еще сильнее холоду напускает, с елки на елку перепрыгивает, ветками потрескивает.

- Ну а теперь тепло ли тебе девица? Тепло ли тебе, красная?

- Ты что, издеваешься, старый? Не видишь, замерзаю совсем! Давай скорее подарки, некогда мне! – отвечает дочка.

Ах так! - Рассердился Морозко, да и заморозил старухину дочку совсем за глупость ее и грубость.

А старуха в это время дома ее встречать готовится:

Поезжай говорит, старый, в лес, да вези мою дочку домой! Ей Морозко, наверняка, злата да серебра много сундуков насыпал. Да аккуратнее вези, золото не рассыпь!

А собачка под столом:

- Тяв, тяв. Дедову дочку замуж возьмут, а старухиной дочки из лесу косточки везут.

Баба ей кричит:

- Не ври! Скажи: старухину дочку в мехах со златом везут да замуж возьмут!

А собачка все свое:

- Тяв, тяв. Дедову дочку с подарками да золотом везут, а старухину дочку замуж не берут.

- Тяв, тяв. Дедову дочку замуж возьмут, а старухиной дочки из лесу косточки везут.

Тут ворота раскрылись и во двор сани въехали. Увидела старуха, что Морозко ее дочку совсем заморозил, заплакала, запричитала, а ничего уже и сделать нельзя. Сама своей жадностью и глупостью ее погубила.

Дина Непомнящая

Мама для Мамонтёнка

Случилось это на берегу далёкого и холодного Ледовитого океана.

Однажды сердитые волны разбили большую ледяную скалу. Пригрело солнышко, и лед стал медленно — медленно таять.

Во льду был замёрзший Мамонтёнок. Он отогрелся на солнышке и ожил. «Мама!» — позвал Мамонтёнок, но ему никто не ответил. Он подождал немного, а потом пошёл искать маму. Долго шёл Мамонтёнок. Иногда он останавливался и звал маму, но мамы нигде не было. Мамонтёнок устал и проголодался.

«Кто ты такой?» — услышал он чей-то голос. Это был Северный олень. Мамонтёнок никогда не видел его раньше и испугался. «Я маму ищу!» — сказал он. «Так ты детёныш!» — удивился Северный олень. «Детёныш, — сказал Мамонтёнок. — Я спал, потом проснулся, а мамы нет!» И он вздохнул.

«Я никогда не видел твоей мамы! — сказал Олень. — Может, её знает дядюшка Морж?»

Дядюшка Морж очень удивился, увидев Мамонтёнка. «Кто ты такой?» — спросил он. «Я детёныш! — сказал Мамонтёнок. — Я спал, потом проснулся, а мамы нет!» — «А как зовут твою маму?» — «Мама!» — сказал Мамонтёнок.

Дядюшка Морж вспомнил, что давным-давно, когда на Севере было тепло, здесь жили огромные звери, похожие на Мамонтёнка. «Но они ушли в Африку, когда настали Великие холода!» «Я тоже хочу в Африку! — сказал Мамонтёнок. — Я хочу найти свою маму!»

«А ты не побоишься?» — спросил его Морж и Северный олень. «Не побоюсь!» — сказал Мамонтёнок.

Тогда Морж подогнал к берегу большую льдину, Олень принёс травы на дорогу, и Мамонтёнок поплыл в Африку к маме.

«По синему морю к зелёной земле
Плыву я на белом своем корабле.
Меня не пугает ни волны, ни ветер!
Плыву я к единственной маме на свете!
Скорей до земли я добраться хочу,
«Я здесь! Я приехал!» — я ей закричу.
Пусть мама услышит, пусть мама придёт,
Пусть мама меня непременно найдёт!
Ведь так не бывает на свете,
Чтоб были потеряны дети?»

И вдруг льдина под Мамонтёнком подтаяла и разломилась! «Мама!» — закричал он.

И тут появились Дельфины. Они подхватили Мамонтёнка на спины и помчались к земле. Дельфины выбросили Мамонтёнка на песок и уплыли. Мамонтёнок открыл глаза. Это была Африка.

Перед ним был Олень, но совсем другой. «Ты кто такой?» — спросил его Мамонтёнок. «Я — Олень из Африки, — ответил Африканский олень. — А ты кто?»

«Не знаю, — сказал Мамонтёнок. — Я ищу маму. Дядюшка Морж сказал, что она здесь.»

«Я не видел здесь твоей мамы! — сказал Африканский олень. — Может быть, Мудрый Какаду ее знает? Он живёт на свете очень давно!» И Олень позвал Какаду. Какаду очень удивился, увидев Мамонтёнка, и сказал, что впервые видит такого зверя. И они с Оленем стали думать, где искать маму этого странного детёныша.

«А я знаю, где его мама!» — вдруг услышали они чей-то голос. И они увидели Обезьянку. В руке у Обезьянки был банан. «Лови!» — крикнула она Мамонтёнку.

Мамонтёнок поймал банан хоботом. И тут все закричали: «Да это же Слонёнок! Только волосатый!»

«Так, значит, я — Слонёнок! — обрадовался Мамонтёнок. — Значит, моя мама здесь, и вы её знаете?» — «Конечно! Ее зовут Большая Слониха!» — закричали звери. И они пошли к большой Слонихе.

Скоро настала ночь и взошла луна. Но они все шли и шли. И наконец, пришли на поляну. Там, вся залитая лунным светом, стояла Слониха. Она спала.

«Мама!» — закричал Мамонтёнок. Слониха долго смотрела на Мамонтёнка, а потом сказала: «Кто это?» «Это же я, — сказал Мамонтёнок. — Я тебя так долго искал! А ты меня не узнала!» И он заплакал. «Ты что слонёнка не узнаешь? — закричали Олень, Обезьянка и Какаду. — Посмотри, у него хобот и уши как у тебя! Только он в шубе, потому что с севера!»

«Тише!» — сказала Большая слониха и подошла к Мамонтёнку. Она внимательно посмотрела на него и сказала: «Не плачь! Ты действительно не Слонёнок, ты — Мамонтёнок! Но все-таки ты — мой сын!»

«Я ничего не понимаю! — сказал Мамонтёнок. — Почему я твой сын, если я не слонёнок?»

«Потому что давным-давно, когда настали Великие холода, мамонты пришли с Севера в Африку и стали слонами.

«Значит, я Слонёнок, который жил давным-давно!» — обрадовался Мамонтёнок.

«Ура! Наконец-то он нашёлся!» — закричали животные. На смену африканской ночи пришло утро.

Когда животные возвращались обратно, Обезьянка спросила: «Как вы думаете, это правда, что мамонты стали слонами?» «Не знаю», — сказал Африканский олень. А мудрый Какаду сказал: «Какое это имеет значение? Он нашёл МАМУ, и это главное!»

Геннадий Цыферов

Как лягушонок искал папу

Наверное, он всю жизнь был бы маленьким, но однажды случилось вот что.

Каждый знает, что он ищет. А что искал лягушонок, он и сам не знал. Может быть, маму; может быть, папу; а может быть, бабушку или дедушку.

На лугу он увидел большую корову.

— Корова, корова, — сказал он ей, — а ты хочешь быть моей мамой?

— Ну что ты, — замычала корова. — Я большая, а ты такой маленький!

На реке он встретил бегемота.

— Бегемот, бегемот, ты будешь моим папой?

— Ну что ты, — зачмокал бегемот. — Я большой, а ты маленький!..

Медведь не захотел стать дедушкой. И здесь лягушонок рассердился. Он нашёл в траве маленького кузнечика и сказал ему:

— Ну вот что! Я — большой, а ты маленький. И всё равно я буду твоим папой.

